

К 70-летию Победы
Воспоминания
Великая Отечественная война
в жизни наших родителей и учителей

Мои воспоминания о войне и об отце (<i>Л.И. Антипова (Баранова)</i>).....	2
Судьба моего отца Г.Н. Бибикова (<i>Н.Г. Бибиков</i>).....	4
Николай Борисович Брандт (1923–2015) (<i>Н.А. Карнаухова (Арнольд)</i>).....	9
Леонид Архипович Водяный (1917–1941) (<i>Е.Л. Ковалевская (Водяная)</i>).....	11
Борис Алексеевич Зайцев (<i>О.Б. Шевченко (Зайцева)</i>)	15
Виктор Геннадиевич Зубов (<i>Т.М. Глушкова</i>).....	19
Всеволод Фёдорович Киселёв (<i>О.В. Никитина</i>).....	21
Москва и Подмосковье в войну и Салют Победы (<i>Т.Г. Михалева (Семенова)</i>).....	25
Анатолий Леонидович Пирогов (<i>В.А. Пирогов</i>).....	30
О родителях (<i>Э.Н. Плюснина</i>).....	33
Мы дети бледные войны (<i>Э.Н. Плюснина</i>)	34
Мои воспоминания о Дне Победы (<i>Н.А. Сахарова</i>)	38
Последние месяцы войны (март–май 1945): Выдержки из военного дневника Алексея Платоновича Семенова (<i>Т.А. Семенова</i>).....	40
С 70-летием славной Победы! (<i>Иван Слепцов</i>).....	46
Великая Отечественная война в истории моей семьи (<i>Е.В. Стеблина (Третьякова)</i>).....	47
Анатолий Филиппович Тулинов (1924–2011) (<i>О.В. Чуманова (Чаус)</i>).....	50
Памяти моих родителей (<i>Н.А. Туманова</i>).....	56
Наталья Александровна Тяпунина (1922–2009) (<i>Г.М. Зиненкова</i>).....	60
Федор Александрович Тяпунин (1915–1943) (<i>Г.М. Зиненкова</i>).....	64
Мой отец гвардии полковник Семен Сергеевич Уральский (<i>В.С. Уральская</i>)...	65
Л.Ф. Хайбуллин (<i>Лиля Хайбуллина</i>).....	71

Мои воспоминания о войне и об отце

Л.И. Антипова (Баранова)

Воспоминаний, конечно, немного, но после нас и этого не будет. Перечитываю – и опять все встает перед глазами. Наверное, это последняя возможность почтить память дорогого мне человека, который скромно жил, скромно воевал и скромно ушел. Таких были многие тысячи, и именно им мы обязаны тем, что живы и живем

Помню окна, занавешенные одеялами, что требовалось в целях маскировки от налетов немецких самолетов. Помню, как однажды к нам зашел милиционер, который заметил, что у нас свет пробивается через небольшую щелку в окне, и попросил закрыть эту щелку.

Помню, как однажды, вернувшись из детского сада, я нашла в мешке с игрушками, который висел на моей кровати, пластмассовую масленку со сливочным маслом и кусками сахара, вдавленными в него. Позднее выяснилось, что это отец, выписанный из госпиталя, по дороге на поезд в сторону фронта заскочил на минуту домой (дома никого не было – мама на работе, я в детском саду) и оставил свой гостинец, который во время лечения в госпитале он собирал из своего больничного пайка. Поскольку в то время не было возможности связаться по телефону, подробности этого эпизода стали известны позднее из писем с фронта.

Мой отец Баранов Иван Михайлович родился в 1912 г. в селе Туртино Владимирской области. Как это бывало часто в многодетных семьях, в поисках работы уехал в Москву. Когда началась война, он работал на предприятии оборонного значения (п/я 3715) токарем. Именно поэтому он сразу не был мобилизован. Это случилось позднее, когда в наших войсках уже были большие потери и необходимо было пополнение. Воевал на Белорусском фронте, которым командовал К.К. Рокоссовский. Военское звание – лейтенант. Командир взвода. Это был взвод штрафников. Отец рассказывал, что с ними было легко

воевать. Они, желая реабилитировать себя, бесстрашно и отчаянно шли в бой. Награжден Орденом Красной Звезды. Часть, в которой он служил, была гвардейской. Был ранен четыре раза. Последний раз это случилось в Польше. Его перевезли в госпиталь в Саратове, где на лечении он встретил известие о капитуляции Германии.

После демобилизации он вернулся на свой родной завод п/я 3715, где и работал токарем до ухода на пенсию. В процессе работы на заводе до и после войны им было сделано много рационализаторских предложений; в частности,

было предложение, касающееся работы гранаты; подробности мне неизвестны. Его фотография висела на доске почета.

К сожалению, в 40-е годы мало у кого были фотоаппараты, особенно на фронте. Поэтому, мне не удалось найти фотографию отца в военной форме и, как хотелось, с орденом. Нашлась единственная фотография в военной форме, сделанная вскоре после окончания войны, когда он приехал к себе на родину повидаться с матерью. Две очаровательные собаки (Медон и Гера) – охотничьи собаки его друга.

Мама рассказывала, что известие о капитуляции Германии было передано по радио поздно вечером. Помню, что она разбудила меня, плакала и трясла за плечи, чтобы я проснулась – надо было с кем-то поделиться такой оглушительной радостью. А на следующий день изо всех репродукторов в Москве гремела музыка и улицы были полны ликующего народа. Один из репродукторов висел и на нашем доме. Помню, как жители нашего дома, высыпавшие на улицу, обнимались, целовались, плакали. И я, поддавшись общему веселью, плясала около ворот нашего дома. Мне было тогда пять лет.

Судьба моего отца Г.Н. Бибикова

Н.Г. Бибиков

Г.Н. Бибиков принадлежал к тульской ветви старинного дворянского рода, берущего начало от татарского мурзы Жидимира, перешедшего на службу к великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому. Его отец окончил юрфак МГУ, был небогатым помещиком села Успенское Богородицкого уезда Тульской губернии и работал судьей в разных городах Империи. Мать до замужества служила сельской учительницей.

В этой семье 7 октября 1907 г. родился сын Григорий. До десятилетнего возраста жизнь мальчика протекала спокойно: отец работал, мать была с детьми. Счастье нарушалось только болезнями детей. И вот наступил трагический в истории нашей страны 1917 год. Этой осенью Николай Иванович работал в суде г. Саратова.

Приведем отрывок из воспоминаний бабушки о тех днях: «Вдруг раздался орудейный залп. Господи! Где же дети. На улице была паника... Я схватила детей, прижала их к себе и зарыдала». Через несколько дней в окружном суде «новые люди заявили о перемене власти, сняли портреты царей, отобрали цепи, печати, уничтожили «Зерцало» и объявили, что Окружной суд больше не существует». После возвращения в Тулу семья бедствовала, а на страстной неделе 19-го года Николай Иванович скончался от сыпного тифа.

Анна Ивановна Бибикова осталась одна с четырьмя детьми и без каких-либо средств к существованию. Год проработала она учительницей вблизи Успенского, но потом, когда зачистили «продовольственники» и лица, «выявлявшие бывших помещиков», ей пришлось навсегда покинуть эти места. Она поселяется у своего деверя в Москве. В 1925 г. Григорий оканчивает школу и поступает на Факультет общественных наук Московского государственного университета. Целеустремленность, настойчивость и трудолюбие Григория Бибикова позволяет ему в 1929 г. закончить Историко-филологический факультет. Уже в это время он осуществляет вполне самостоятельные научные исследования, посвященные истории России начала семнадцатого столетия. После окончания обязательного курса он был выдвинут для продолжения научно-исследовательской работы при Московском университете и следующий год посвятил исследованию по теме «Борьба за землю в смутное время», но в 1930 г. был исключен из аспирантуры за «беспартийность и отсутствие трудового стажа». Позволим себе усомниться в последнем, поскольку все время учебы в университете Григорий работал для поддержания материального состояния семьи. Правда обычно эта работа не была слишком творческой: служил он и истопником, и дворником. В 1933 г. он был взят на работу в Исторический музей и сразу зарекомендовал себя как

одного из ведущих специалистов по российской истории 17-го века. Помимо своей основной работы, Г.Н. Бибилов преподавал и консультировал ряд писателей и кинематографистов, разрабатывающих исторические темы.

Пропуск сотрудника Исторического музея, выданный Г.Н. Бибилову 26 апреля 1933 г.

Именно при проведении консультации по исторической тематике в павильонах Мосфильма, где снимались фильмы «Иван Грозный» и «Степан Разин», он встретился с Ириной Назаревской – дочерью репрессированного профессора экономики Московского университета и Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева Михаила Ивановича Назаревского. И вот в эти жуткие годы встретились и обрели друг друга два человека, судьба которых была так жестоко изломана. В тяжелом 1938 г. состоялась свадьба моих родителей, а в 1940 г. родился единственный сын – автор этой статьи. Мать вспоминает, что, несмотря на все внешние трудности (жить приходилось вчетвером в одной комнате, да и на питание денег едва ли хватало), это были самые счастливые дни ее жизни.

В июне 1941 г. родители были под Москвой в Новом Иерусалиме, где мать работала экскурсоводом. Там и застала их война. Движение немецких войск было столь стремительным, что сотрудники музея, остававшиеся до последнего момента в монастыре, пытаясь вывезти основные экспонаты, подвергались опасности оказаться под оккупантами. Выехать в Москву мама успела в последний момент, оставив в Новом Иерусалиме вещи и все основные документы. Григорий Николаевич вначале был мобилизован на оборонные работы (рытье окопов), где попал непосредственно в район боевых действий, поскольку в район работ был выброшен немецкий парашютный десант на мотоциклах. Три дня он лесами без пищи выбирался оттуда в Москву. Через некоторое время на его имя практически одновременно поступают два письма. В одном из них лежит повестка на курсы подготовки младшего командного состава, во втором – договор на написание книги «Минин и Пожарский». В результате книга писалась именно во время прохождения курсов. Писала ее в основном Ирина Михайловна, но, поскольку курсы были в Москве, она каждый день передавала текст отцу, который со строем курсантов проходил в столовую. Вечером и ночью над книгой работал отец. На следующий день он передавал ей отредактированный и измененный текст, и вся операция повторялась с новым его фрагментом. Как это ни странно, работа была выполнена в кратчайший срок, который и был предписан издательством.

Уже после его перевода в действующую армию мать успела дважды навестить отца. Один раз это было в небольшой подмосковной деревне, другой в лесной местности под Наро-Фоминском, только недавно освобожденном от фашистов. Ирина Михайловна вспоминает, что после встречи она ходила

гулять в ближайший перелесок, который, как ей потом объяснили, был густо заминирован.

Воинская часть (257-я отдельная стрелковая бригада), в которой командиром взвода служил Григорий Николаевич, была размещена на стыке трех областей: Тульской, Калужской и Орловской, вблизи небольшой деревни Передель. Вот как описано это место в одном из последних писем отца: «Представь себе, где то в Центральной России жаркий летний день. Под синим небом разметалось ржаное поле. Рожь уже пора косить, зерно начинает осыпаться, но косить его не будут. У края поля на горизонте отчетливые, резкие силуэты деревьев, обозначающие место, где был населенный пункт. Из жилых построек видны только стены без крыш. Между деревьями заметны какие-то бугорки. Бугорки эти – блиндажи и дзоты, в которых живут немцы. А посреди поля еле заметный окопчик и вокруг него совсем маленькие, сделанные для одного человека ямки-ячейки. В этом окопчике и в этих ямках сидят русские люди и среди них я. Жарко, ворот моей гимнастерки расстегнут, но на голове каска, а в руке автомат. Самочувствие хорошее, Сыты. Едим два раза в день... Единственное, что меня угнетает, это то, что мой организм недостаточно подготовлен. Виной этому мой односторонне кабинетный образ жизни в последние годы. Но я стараюсь не поддаваться». Последнее письмо было датировано 20 августа 1942 г. Оно заканчивалось словами: «Был очень обрадован тем, что мне прислали три экземпляра уже вышедшей книги «Минин и Пожарский», но при перечитывании осознаешь массу недостатков. Писалось все же очень наспех».

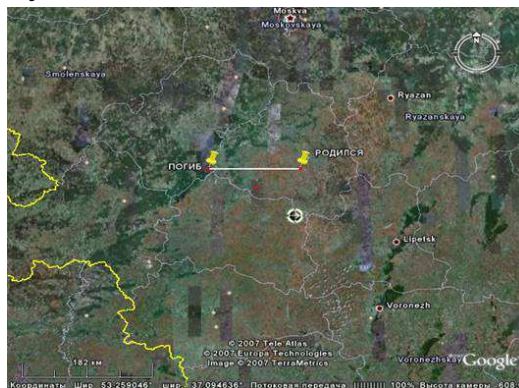

В начале сентября, еще до получения официальной повестки, в Москву пришло письмо от фронтового друга отца, командира соседнего взвода. Вот его текст: «Дорогая Ирина Михайловна. Действительность заставляет меня сообщить Вам величайшую неприятность. 26 августа сего года в 6 часов утра Григорий Николаевич пал смертью храбрых в бою за деревню Передель. Он был убит пулей в голову. Смерть наступила немедленно. Это был любимец друзей, бойцов и высшего начальства. С ним мы были близкими друзьями, и эту потерю я волнующе пережил. Сегодня утром я лично похоронил Гришу около деревни Передель Орловской области и заказал сделать следующую надпись над его могилой: «Здесь похоронен лейтенант – научный работник – историк Григорий Николаевич Бибииков 1906 (ошибка – 1907, – НГБ) года рождения, павший смертью храбрых в бою за деревню Передель».

Я несколько раз посещал это поле, пытался связаться с его однополчанами. Мне кажется, что автор письма немного лукавил. Я не думаю, что действительно были «бои за деревню Передель». Это был «спокойный» участок линии фронта, простоявшей здесь неизменно с конца 1941 и до конца 1942 г. Как прекрасно понятно из самого письма Г.Н. Бибиикова, немцы имели на этом участке прекрасно оборудованные блиндажи и даже дзоты в деревне, расположенной на крутом берегу реки. Перед ними расстилалось поле с

неглубокими окопчиками, где находилась «живая сила противника». Несомненно, что у немцев были профессиональные снайперы, которые планомерно уничтожали эту живую силу. Я очень сомневаюсь, что кто-либо, исключая тех, кто прибыл в этот район непосредственно перед началом контрнаступления, вернулся с фронта домой. Об этом свидетельствует и тот факт, что когда мать связалась с семьей автора вышеприведенного письма, там тоже уже была получена похоронка. Не очень верится и в «заказ сделать надпись над могилой». Все-таки передовая – не лучшее место для кладбища.

Места рождения и гибели Г.Н. Бибикова разделяет примерно 125 км. Направление от первой точки до последней идет точно с востока на запад. Я проверял это на соответствующих сайтах Интернета и убедился, что разница по широте не превышает сотен метров. Кажется, ее просто не существует. Так и представляется, что Григорий Бибилов отдал свою жизнь, чтобы защитить родной очаг от идущего с Запада врага. Сейчас поле это также засеивается зерновыми. Вблизи деревни, на территории, где стояли немцы, в березовой роще есть ухоженная братская могила русских солдат, но жители говорят, что после войны большинство погибших свезли в другую, более крупную могилу в деревню Уколицы, где был расположен сельсовет. Так что точное место, где лежат останки моего отца, я не знаю. Приведу стихотворение его матери, Анны Ивановны Бибиковой, глубоко и искренне передающее горе всех матерей, потерявших на фронте своих детей.

Места рождения и гибели Г.Н. Бибикова

ГРИШЕ.

Там, в поле широком, где рожь колосится,
Насыпан земли бугорок.
Под ним моей жизни частица таится.
Лежит мой родимый сынок!

Я б птичкою малой, я б бабочкой слабой
Сейчас полетела б туда.
И сердцем разбитым, и грудью усталой
Легла б на могилу сынка.

Слезой головку твою б отыскала,
Другую бы в сердце влилась.
Я б милые руки твои целовала,
Вкруг шеи твоей обвилась.

Запела бы песню, что раньше певала,
Качая твою колыбель, –
И тихо под песню свою засыпала,
Прижавшись к головке твоей.

Прости, мой любимый, что, в жизни страдая,
Еще я живу и дышу,
И, горе в печальные рифмы слагая,
Тоску облегчаю свою.

У многих в ответ заблестят мне слезинки,
В ресницах они задрожат,
Как там над сыночком трепещут росинки,
В былинках алмазом горят.

Я не знаю, помню ли я отца. Но иногда мне кажется, что я видел, как открывается дверь в нашу крохотную комнатку и в нее входит большой, улыбающийся мужчина. Может ли это сохранить память полуторагодовалого ребенка, я до сих пор не уверен.

Братская могила в деревне. Передель

Николай Борисович Брандт

(28.04.1923–05.01.2015)

Н.А. Карнаухова (Арнольд)

Доктор физико-математических наук, профессор, лауреат Государственных премий, лауреат Ломоносовской премии, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный изобретатель СССР, заслуженный профессор МГУ

Родился в Москве, свою фамилию получил от голландского мастера – кораблестроителя Карштена Брандта, которого пригласил в 1711 г. царь Пётр I. Вскоре тот построил первый в России корабль – ботик Петра Великого, воспетый Пушкиным как «Брандтов челн».

Николай Брандт учился в московской средней школе № 528, был круглым отличником, неоднократно побеждал на олимпиадах по физике. Школу окончил в июне 1941 г. Выпускной вечер состоялся в ночь на 22 июня, и ему вручили аттестат с золотой каемкой. Тогда еще не было ни золотых, ни серебряных медалей. Любимым предметом Коли была физика. Дома он создал портативную физическую лабораторию, сделал ряд изобретений, в частности ЭМ предохранитель, и изобрёл механический выпрямитель переменного тока. Учителя, зная его способности, советовали идти в науку. Это входило в его планы. Но когда фашистская Германия напала на Советский Союз, Николай решил добровольно идти на фронт. Сразу его не взяли, летом он работал на военном заводе, а в декабре 1941 г. он был направлен в Армию. Первый бой состоялся под Можайском. Николай был контужен и ранен осколком мины в ногу.

После госпиталя его направили сначала в Коломну в полковую школу, а потом в Рязань в пехотное училище. Окончив училище с отличием, он стал лейтенантом. Его оставили в училище командиром курсантского взвода, чтобы он передавал свои знания будущим офицерам.

В ту пору в районе Рязани формировались соединения и части Войска Польского. Среди тех, кто должен был перейти в Войско Польское, оказался лейтенант Брандт. Предварительно он несколько месяцев занимался на курсах польского языка. Осенью 1944 г. Николай Брандт в составе 1-й армии Войска Польского отправился на фронт. Он уже был капитаном и командовал стрелковым батальоном. Участвовал в боях за освобождение Перемышля, затем Кракова. Был ранен. Весной 1945 г. воевал в Восточной Германии, закончил войну в немецком городе Бейтен. За проявленное мужество в боях награжден орденом Отечественной войны II степени, двумя польскими орденами – Серебряным Крестом Заслуги и Крестом Грюнвальда, несколькими медалями.

Ему прочили блестящую военную карьеру, высоко ценили как офицера и в Советской Армии, и в Войске Польском. Но он снова мечтал об учебе. Николай Брандт обратился с письмом к академику С.И. Вавилову, рассказал ему о своем увлечении физикой. И это помогло. Его демобилизовали.

Осенью 1946 г. Николай Брандт стал студентом физического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Вся его дальнейшая жизнь будет связана с факультетом и кафедрой физики низких температур. Стал заведующим кафедрой, заведующим отделением физики твердого тела. В своих воспоминаниях «Лучшие годы моей жизни», посвящённых своему Учителю член-корр. Н.Е. Алексеевскому, пишет о том, как он выбрал специализацию по физике низких температур, делал диплом, а потом учился в аспирантуре.

Николай Борисович стал основателем нового крупного научного направления в физике – исследования веществ в экстремальных условиях: при комбинированном воздействии магнитных и электрических полей, сверхвысоких давлений, радиации, при низких и сверхнизких температурах. Для этих целей им была разработана и создана уникальная аппаратура. В течение 10 лет ни одна лаборатория в мире не располагала такими возможностями.

Он автор более 580 научных статей, 9 учебников и монографий, изданных в нашей стране и за рубежом, двух крупных открытий, 30 патентов и изобретений. Один из зарубежных журналов назвал его в числе 25 физиков России, работы которых наиболее часто цитируются в мировой литературе.

Профессор Брандт создал одну из самых крупных научных школ в России, подготовил 70 кандидатов и 19 докторов наук.

Труды Н.Б. Брандта получили достойную оценку. Он – лауреат Государственных премий СССР и Российской Федерации, дважды лауреат Ломоносовской премии I степени, лауреат премии имени Н.Д. Папалекси Академии наук СССР; отмечен золотой медалью имени П.Н. Лебедева. К его боевым наградам прибавился орден Трудового Красного Знамени. Ему присвоены почетные звания Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного изобретателя СССР, Заслуженного профессора МГУ.

В дни военных праздников и знаменательных дат Николай Борисович выступал перед студентами, Однажды его спросили, какую роль сыграла в его жизни минувшая война. «Конечно, она отняла у меня шесть лет творческой деятельности, – ответил профессор. – Но в то же время научила ценить человеческую жизнь, любить Родину, верить в светлое будущее».

В моей памяти Н.Б. Брандт остался выдающимся физиком – экспериментатором, фанатично преданным науке, человеком разносторонних научных интересов, обладающим исключительной физической интуицией, добрым и чутким человеком.

Леонид Архипович Водяной (1917–1941)

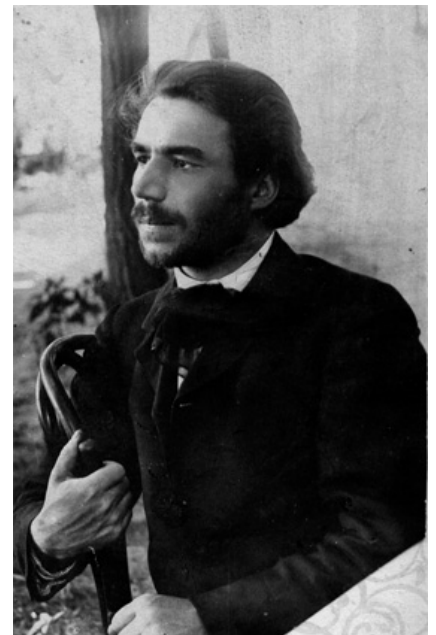
Е.Л. Ковалевская (Водяная)

Леонид Водяной родился в 1917 г. в Ленинграде. После окончания средней школы он продолжал образование в Днепропетровском университете. В 1935 г. перевелся в Московский университет на физический факультет (на 2-й курс). В МГУ Леонид учился отлично, активно участвовал в общественной работе: был агитатором, вел научный студенческий кружок, был начальником кавалерийской школы, существовавшей в МГУ в предвоенные годы. В 1940 г. он с отличием окончил физический факультет и в этом же году поступил в аспирантуру на кафедру диалектического материализма. Однако начавшаяся война прервала занятия в аспирантуре.

В июльские дни грозного 1941, когда фашистские полчища рвались к Москве, комсомолец Леонид Водяной (не подлежащий призыву в РККА из-за плохого зрения) вступил в Народное ополчение, чтобы защищать столицу. Он был зачислен в 1-ю батарею 86-миллиметровых орудий 975-го артиллерийского полка 8-й Краснопресненской дивизии народного ополчения и назначен замковым в артрасчет первого орудия, которым командовал К.А. Воскресенский (тогда аспирант, а ныне доцент биологического факультета МГУ).

Батарея, в которой служил Леонид Водяной, начала свои первые боевые действия 4 октября 1941 г. под Ельней – она вела интенсивный огонь по закрытым целям. Ожесточенные бои разгорелись 5 октября. В этот день батарея разгромила вблизи деревни Увароводвигающуюся по дорогам колонну фашистских мотоциклистов, потом была отбита танковая атака врага. К середине дня батарея была вынуждена сменить боевую позицию и переместилась ближе к деревне Коробец. Здесь из двух уцелевших орудий отважные ополченцы били по огневым точкам противника, сами подвергаясь сильному артобстрелу. В этом бою погибла большая часть орудийных расчетов. Был смертельно ранен осколком снаряда в голову и Леонид Водяной.

Водяной Архип Семенович,
отец Леонида Водяного
Учитель словесности, преподаватель
русского языка и литературы. Более
30 лет работал в учебных заведениях
Ленинграда и Днепропетровска

«Поражение черепа было очень сильным,— вспоминает Кирилл Александрович Воскресенский. – Леонид был еще жив, и мы отнесли его в близлежащую деревню.... Он был милым вдумчивым человеком, склонным к отвлеченным рассуждениям, к теоретизированию, но очень проворным и сноровистым в деле. Леонид прекрасно справлялся с обязанностями замкового – быстро и ловко перезаряжал орудия».

Из марша Дивизии народного ополчения Москвы

Дороги уходят на запад –
Иного пути у нас нет.
И ветер доносит с Арбата
Далекой столицы привет.

За жертвы, за пепел пожарищ
Нам ненависть в сердце стучит.
Откуда б ты ни был, товарищ,
По сердцу мы все москвичи.

Счастливая семья, 1941 год
На прогулке с папой и мамой в день моего
рождения 7 мая 1941 г. (1 год)

Их было 128, не вернувшихся с войны, все они учились или работали на физическом факультете МГУ. Из них 70% – студенты физфака, а также выпускники 1941 г. Война унесла жизни 9 талантливых преподавателей, 9 аспирантов, лаборантов, сотрудников физфака МГУ. Более 80 физфаковцев сражались в 8-й ДНО, 19 из них остались навеки лежать в смоленской земле.

В 2001 г., в ознаменование 60-летия начала ВОВ, Совет Ветеранов 8-й Краснопресненской дивизии народного ополчения Москвы организовал поездку по местам сражения ДНО в Смоленскую область, г. Ельня и ее окрестности. В эту поездку на туристическом поезде были приглашены ветераны, участники тех сражений, дети погибших ветеранов, в том числе и я, а также ученики – победители Всероссийского конкурса сочинений о войне из всех регионов России. Нам показали памятники, братские могилы, поле битвы, где за один день сражений погибли более 6000 человек. Мне посчастливилось встретиться с К.А. Воскресенским, который был в этой поездке. Мы поговорили, он узнал по фотографии моего отца и отозвался о нем очень хорошо.

У стеллы в память погибших в Великой Отечественной войне студентов, преподавателей, сотрудников, аспирантов физического факультета МГУ. 2011 год

Борис Алексеевич Зайцев

О.Б. Шевченко (Зайцева))

Мой отец, Зайцев Борис Алексеевич окончил химический факультет МГУ в 1938 г. В 1939 был призван на военную службу. С 41-го года – в действующей армии. Прошел всю войну. Был демобилизован осенью 1945 г.

С фронта приходили письма. Часто они писались на бланках, на одной стороне которых печатались военные плакаты.

Вот несколько писем последних месяцев и дней войны.

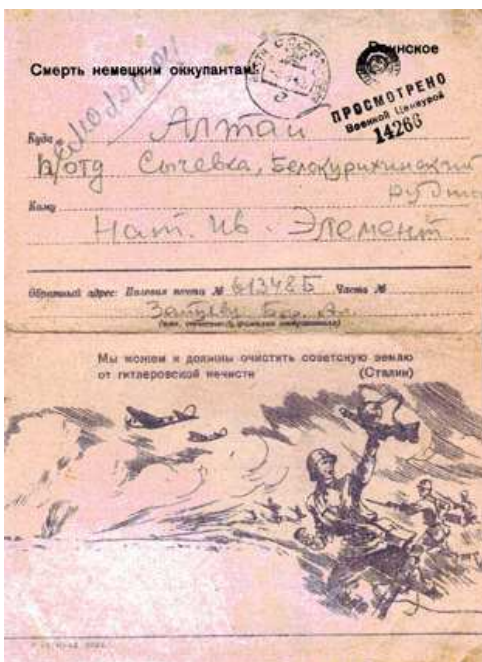
6 февраля 45-го года

Здравствуй милая Наточка!

Извини, что долго не писал, – было некогда. Сейчас у нас маленькая передышка, маленькая остановочка, полустаночек между двумя станциями, одна из которых Висла, а конечная Берлин. Надо ли писать тебе о наших делах – ты знаешь о них из газет.

Много радости, воодушевления. Ведь полная победа!

Характерная черта этого наступления стремительность. Мы продвигаемся иногда на 50–60 км в сутки. Сперва были хваленые немецкие линии обороны, поля, изрытые траншеями, воронки от снарядов, колючая проволока, трупы, мертвый безжизненный пейзаж, но дороги живут полной жизнью. Они заполнены артиллерией, танками, пехотой. Нетребовательность русского солдата выше всяких границ. Вот на обочине дороги остановилась солдатская кухня. Варят обед. Вокруг кухни снуют повара, а буквально в 3-х шагах труп немца с развороченными внутренностями. И это в порядке вещей.

Дальше едем по польским деревенькам. Иногда мы оказываемся впереди и первыми въезжаем в оставленные немцами деревни. Ходим по дворам, вылавливаем немцев. Иногда и нам приходилось туго, но гораздо легче, чем летом. В одной из деревушек попали под обстрел нескольких «тигров», но все обошлось благополучно.

И вот, наконец, долгожданный день – пересекаем границу Германии. Жителей почти нет. Только немногочисленные поляки приветствуют нас. Немцы же все удрали. Первый наш обед на вражеской территории. Мы назвали его обедом победителей – картошка пополам с салом.

Вообще, рассказать тебе подробно о нашем житье-бытье не могу. Сделаю это, когда увидимся. Скажу только, что живем как победители.

Вот какова наша жизнь: начал писать письмо до Одера, а кончаю его уже за Одером. Все вперед и вперед, все ближе к Берлину, а значит и близка наша встреча. Как вы живете, дорогие мои? Ваше письмо, вероятно, не

догонит меня, т.к. быстро мы продвигаемся вперед. Я стал изрядным трофейщиком. Кое-что на днях вам пошлю.

Напиши, как идут твои занятия. Как здоровье? Как Олечка? Посылаю ей в этом письме хорошую картинку. С приветом. Б.

16 апреля 45 г.

Наточка, здравствуй!

Получил сразу 2 твоих письма. Спасибо, родная.

Сегодня исторический день – начался наш последний бой. Утром была такая артподготовка, которой, вероятно, не видывал мир. Грохот стоял такой ..., что невозможно было различить отдельные выстрелы. Скоро, скоро конец, до союзников уже рукой подать, до Берлина тоже. Настроение поэтому у всех приподнятое, праздничное. Теперь я уже действительно могу написать тебе: «До скорого свидания». Привет Ив. Ив. и Нат. Ин. Целуй Олечку. Твой скромный «Зяц» получил. Авторучка тебе уже есть. Б.

6 мая 45 г.

Здравствуйте, дорогие!

«Крылья победы» несут нас все дальше и дальше в края, где и не думалось быть. Каждый день приносит столько нового, что не знаешь, что и писать.

Уже далеко мы уехали от развалин взятого нами Берлина и едем все вперед и вперед. Через 2–3 дня виден конец. Это вероятно мое последнее военное письмо.

Настроение соответствующее. Мы теперь заслуженные: Берлинско-Львовские, гвардейские, ордена «Красной Звезды», не сразу выговорить.

Ну, привет всем. Целую и обнимаю. Б.

ПОБЕДА

Милая Ната!

Трудно описать, что мы пережили в эти дни, лучше было бы рассказать. Такое счастье редко приходится испытать в жизни. Начну по порядку. 7-го у нас был большой переезд. 8-го уже начали ходить слухи, что кончится война. Но окруженная сильная группировка немцев, главным образом СС, стремилась во что бы то ни стало прорваться на запад. Они, видишь ли, предпочитают сдаваться в плен нашим союзникам. Возможно было нападение на нас, поэтому мобилизовали всех, даже «спецов» и направили в оборону. Последнюю ночь войны мне пришлось провести действительно по-военному. В середине ночи стало известно обращение Правительства. Что тут началось! Каждый салютовал из своего оружия. Бесчисленные пушки, пулеметы, автоматы и даже пистолеты, все стреляло, грохотало, трещало.

Все небо от одного горизонта до другого было исчерчено пунктирами трассирующих пуль и снарядов. А ракеты... Одна падала, загоралась другая. Ты можешь себе представить зеленую ракету на фоне румяной утренней зари.

Так встретили мы мир.

Когда машины идут по городу, улицы точно бордюром окаймлены пестрой празднично одетой толпой. Нам приветливо машут руками. Дети подносят большие букеты сирени. Крик: «Наздар», «Здравствуйте», «Да здравствует маршал Сталин». Чехословаки живой общительный народ. Вид у них вполне европейский. Большинство хорошо одеты.

Прекрасное впечатление от Праги. Много зелени, замечательные здания. Разрушений не больше, чем в Москве. Побывали и в Национальном музее. Прекрасный вестибюль. В музей попала немецкая бомба и разрушила центральную часть. Для нас делают исключение и впускают для осмотра, хотя это и не совсем безопасно и запрещено другим. У чехословаков вообще большое желание сделать нам что-либо приятное и помочь. Нас здесь встречают так, как в Москве встречают каких-нибудь прославленных летчиков и т.д.

Постепенно привыкаем к мирному положению, но все еще иногда никак не верится, как это вдруг не маскировать окон и т.д. Ближайшие мои перспективы совершенно не ясны. Пока будем сидеть и ждать. Может, скоро отпустят по домам.

Целую. Б.

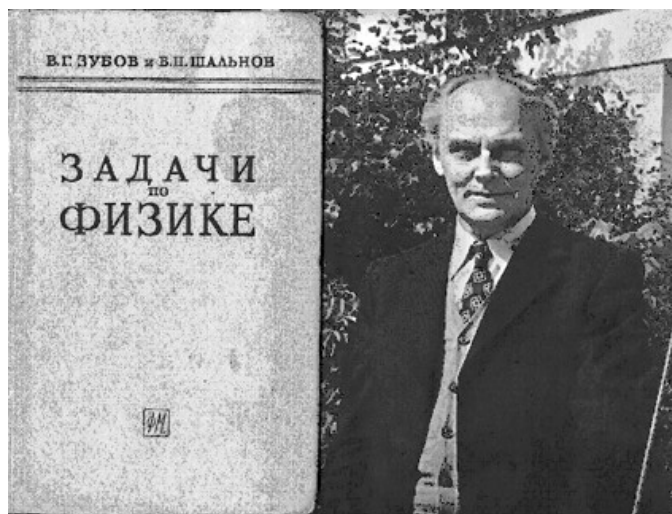
Отец неоднократно награждался грамотами за участие в сражениях. Вот некоторые из них.

Виктор Геннадиевич Зубов

Т.М. Глушкова

Мне повезло с первых дней учебы на физическом факультете, ведь физику у нас преподавал Зубов Виктор Геннадиевич – живой автор задачника – единственного пособия, по которому я (да и многие другие, наверное) готовилась к поступлению в МГУ. Даже когда через пару недель группы сформировали по-новому (из-за знаний английского языка), я вновь оказалась в группе, где физику вел Виктор Геннадиевич. Живой, внимательный, с чувством юмора, с великолепным преподавательским талантом. Мне повезло и дальше: с 3-го курса я стала работать в его научной лаборатории – практика, диплом, диссертация.

Но, кроме всего этого, он был воином, ковавшим нашу Победу над фашизмом.

Когда мы начинали учиться в МГУ, широко о войне, о людях войны еще не говорили; видимо, слишком горьки были думы о том времени. Даже День Победы не был праздничным днем. Лишь много позже мы узнали, что многие наши педагоги сражались в рядах Красной Армии и добились нашей Победы. Среди них был и Виктор Геннадиевич Зубов.

Он из простой семьи г. Иваново. В 1935 г., после окончания рабфака, Зубов поступил на физический факультет МГУ. В 1940 г. с отличием закончил кафедру физики колебаний и полупроводников и с 1 сентября того же года стал аспирантом у профессора С.Э. Хайкина. Но меньше чем через год началась Великая Отечественная война. В первые же дни войны на физическом факультете создается дивизия народного ополчения (ДНО). Виктор Геннадиевич, конечно же, среди ополченцев. Он прошел путь от рядового бойца – до инструктора политотдела дивизии.

В боях под Ельней – ранение, госпиталь. Далее – Закавказский фронт. В конце 1944 г. – переведен на работу в Военно-Воздушную академию (ныне – им. Юрия Гагарина). В 1946 г. Зубов, майор, вернулся на физический факультет МГУ.

Боевые заслуги Ветерана Великой Отечественной войны В.Г.Зубова отмечены большим количеством орденов и медалей.

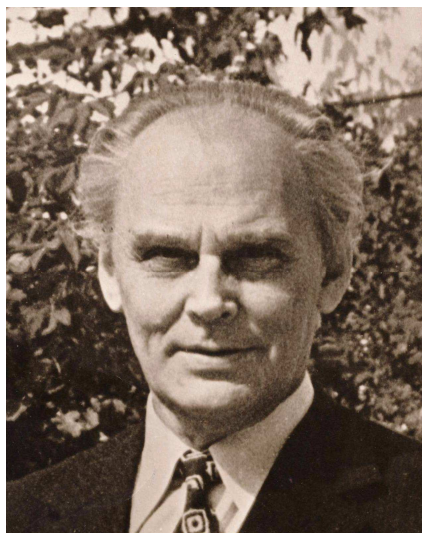
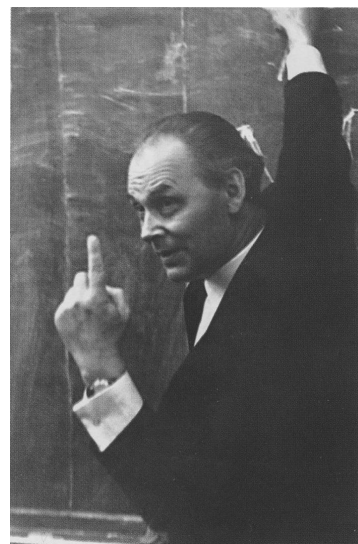
Вернулся Виктор Геннадиевич не аспирантом, а уже имея опыт преподавания и руководства, – сотрудником МГУ. С 1949 по 1953 г. он проректор по строительству Университета на Ленинских Горах. Так что мы все учились, а кто-то и работает до сих пор, в этом прекрасном здании благодаря, в том числе, и Виктору Геннадиевичу.

В 1956 г. Зубов защищает кандидатскую диссертацию, в 1963 – докторскую; и постоянно ведет педагогическую работу. Лекции по общей физике он читал так, что не только студенты, но и многие преподаватели ходили их слушать.

В 1966 г. его избирают членом Академии педагогических наук СССР, а вскоре и президентом этой Академии.

За научно-педагогическую деятельность Виктор Геннадиевич также имел ряд правительственных наград.

И я бесконечно благодарна судьбе за то, что в моей жизни был такой замечательный человек.

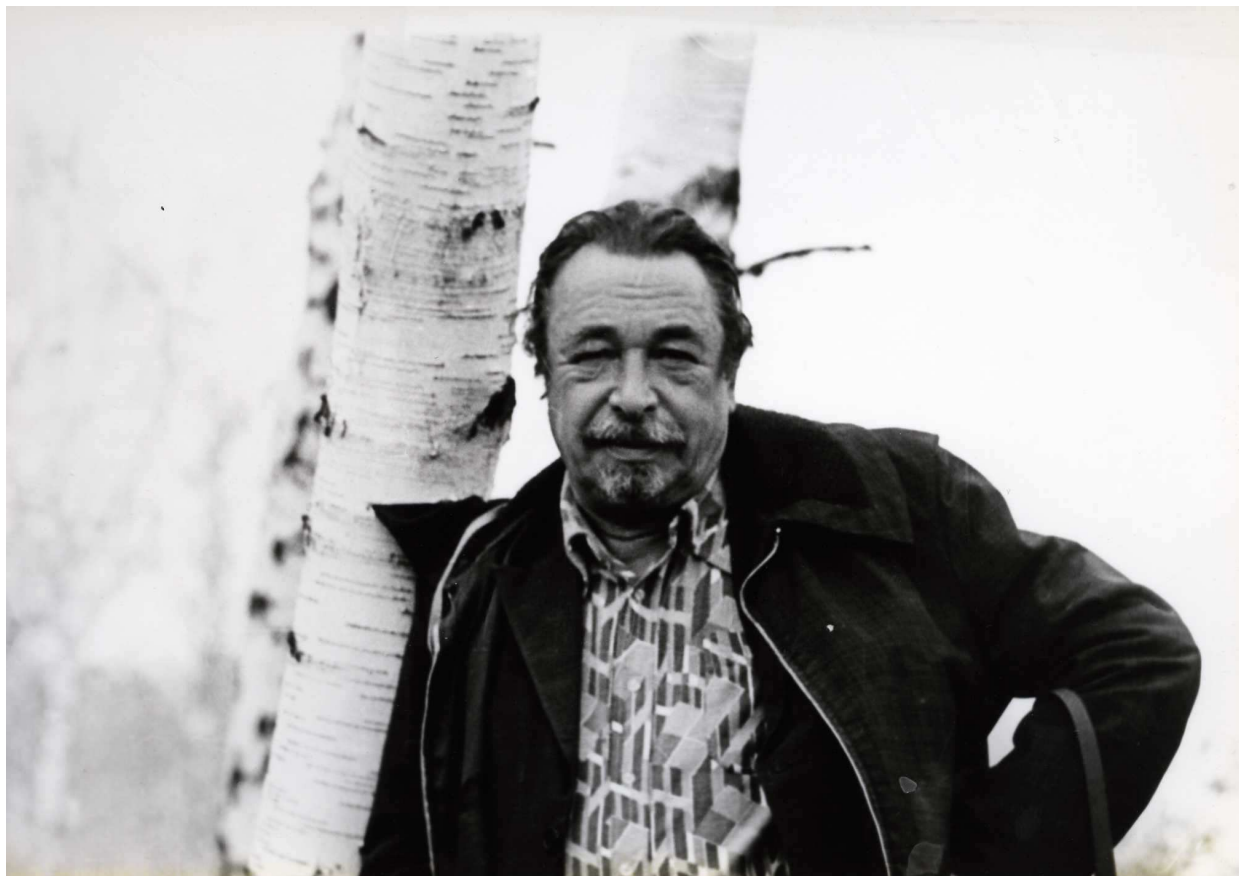

Всеволод Фёдорович Киселёв

О.В. Никитина

Во время войны наша кафедра Общей физики для химического факультета и молекулярной электроники, как и весь физический факультет, проводила исследования по заданиям Комитета Обороны.

Мы учились в то время, когда на кафедре работали участники войны: Геннадий Гаврилович Фёдоров, Леонид Никифорович Эрастов, Евгений Александрович Харламов, Виктор Григорьевич Калачёв, Константин Григорьевич Красильников, Всеволод Фёдорович Киселёв.

Всеволод Фёдорович Киселёв – профессор, заведующий кафедрой Общей физики для химического факультета и молекулярной электроники

Военная служба Всеволода Фёдоровича началась в середине 1942 г. после окончания первого курса Физического факультета МГУ. Одновременно с учёбой он работал лаборантом в созданной в конце 1941 г. спецлаборатории «Физика поверхностных явлений» под руководством профессора Б.В. Ильина, ученика П.Н. Лебедева. В этой лаборатории работали И.А. Яковлев и В.С. Фурсов. Срочно готовилась к выпуску экспресс-установка для проверки противогаров на фронте в связи с возможностью применения немцами новых отравляющих веществ. Серия таких установок с кодовым названием «Праксометр» была направлена в штабы фронтов. Эта лаборатория после нескольких преобразований стала фундаментом научных исследований нынешней кафедры Общей физики для химического факультета и

молекулярной электроники, с которой была связана вся жизнь Всеволода Фёдоровича.

В военкомате Всеволоду Фёдоровичу предложили направление в Ленинградскую Военно-Медицинскую Академию. Но он отказался и с 15 июля

Курсант В.Ф.Киселев

1942 г. был зачислен курсантом в Краснознаменное Военно-Инженерное училище им. А.А. Жданова, которое было эвакуировано из осажденного Ленинграда в Кострому. О войне Всеволод Фёдорович не любил много говорить, поэтому обратимся к сохранившимся его кратким заметкам.

«В 1942 году я был направлен в качестве курсанта в знаменитое Ленинградское Инженерное училище, связанное с именами Н.С. Лескова, Л.Г. Корнилова и многих других известных людей. В 1943 г. я окончил училище по специальности “Электрозаграждение и минирование” и получил направление на фронт. Но спустя несколько дней был вместе с десятью выпускниками возвращен в училище (в связи со свободным владением немецким языком) для прохождения специальных курсов – обучение радиodelу, работе в тылу врага и многому другому. Подвиги курсантов и преподавателей этих курсов описаны в большой статье в газете “Правда” в 60-х годах, в частности диверсионный взрыв радиоуправляемой мины во время парада фашистских войск в Харькове.

В 1944 году я был направлен в распоряжение командующего 1-м Белорусским фронтом генерала армии К.К. Рокоссовского. Только что освобожденный и ещё дымящийся Киев и недалеко от него Овруч, где располагался штаб фронта. После недели пребывания в офицерском резерве был отобран во 2-й взвод 1-й роты знаменитой по Сталинграду 162-й инженерной бригады особого назначения. Впоследствии моя часть приобрела новое название: 2-й Гвардейский Моторизованный Барановичский Ордена Красного Знамени батальон 1-й Отдельной Гвардейской Моторизованной Инженерной Брестско-Берлинской Краснознаменной Орденов Суворова и Кутузова Бригады Резерва Главного Командования.

Первые трудности – молодой парнишка из тыла и выдавшие виды солдаты моего взвода, в основном участники Сталинградской Битвы. Но контакт был установлен быстро, а через несколько дней после принятия взвода состоялось первое боевое крещение – Бобруйский котёл и минирование прямо перед контратакующими немцами “Тиграми”. Далее взятие Барановичей и курс на Белосток через всю замечательную Беловежскую Пущу, по глухим тропам разведрейды в тыл к отступающим немцам. Возможно, и сейчас в этой глуши сохранились таблички с надписью “Хозяйство Киселёва”. Снова приказ, и мы на восточном берегу Буга, разведка для наведения танковой переправы. Сильное впечатление – психическая атака немцев и власовцев: стоя во весь рост, они наступают по дюнам под нашим убийственным пулемётным огнём.

В минуты затишья. В.Ф.Киселёв

Форсировали Буг и далее, иногда на машинах, иногда на броне наступающих танков, путь лежал на Варшаву. Фронт принимает маршал Жуков. Немцы лихорадочно начинают возводить в своем тылу долговременную оборону. В лесах Польши нам вручают Гвардейское знамя и начинают формировать мобильные штурмовые группы для разведки долговременной обороны и блокирования дотов в период нашего наступления. Наконец, восточный берег Вислы, за ней красавица Варшава. Подготовка к генеральному наступлению на Варшаву. Леса, кишашие немецкими разведчиками, усиленная боевая подготовка. Канун нового 1945 года. Мои разведчики где-то достали ёлочные

украшения и обвешивают ими в морозном лесу ёлку. Я, дежурный по части, за десять минут перед наступлением Нового Года пошел поднять тост в офицерскую землянку. В упор раздался выстрел. К счастью, сбilo шапку и слегка контузило – немецкая разведка. Опоздал на пять минут, но встретил победный год.

Незабываем штурм Варшавы по своей грандиозности и мощности огня артиллерии и катюш. Пройдя по окраинам, снова на машины и танки и вперед на запад – остров Мазовецкий. Повседневная боевая жизнь, разведка – отдых, иногда полевой госпиталь (легкие ранения). Сильные бои на Наревском плацдарме в полосе 65-й армии генерала Батова. Потом снова приказ и наш гвардейский батальон срочно передислоцируется под Штеттин. Взятие Штаргарда, благодарность Главнокомандующего и первый орден – Красная Звезда, а также осколочное ранение. К счастью, быстро зажило, и я догнал свой взвод уже под Кюстриным, перед форсированием Одера.

Война. Передышка

Последнее памятное воспоминание о войне. Под ожесточённым огнем возводится понтонный мост через Одер для танковой армии генерала Рыбалко. Немецкие подводные диверсанты подорвали несколько понтонов. Но в начале апреля передовым частям 5-й ударной армии генерала Берзарина и нашим гвардейцам удалось переправиться и захватить Кюстринский плацдарм. С него начался штурм Берлина. День и ночь нас накрывала тяжёлая артиллерия, на головы нам сбрасывали тонные фугасы, которые подвешивались немцами на планеры, на бреющем полете нас расстреливали Фокер-Вульфы. Несмотря на это происходило интенсивное накапливание сил. Последний мой бой – 14 апреля 1945 года. Я возвратился из разведки на Зееловские высоты и отдыхал. В ночь на 14 апреля был

отдан приказ снять минные поля у нас и на переднем крае немцев для прохода танков. Мы работали всю ночь, и под утро перед немецкими окопами я был тяжело ранен в ногу. Мои разведчики сумели меня вытащить в расположение наших войск и доставить в полевой медсанбат. Танковая армия генерала Рыбалко начала форсирование Одера. А я в тяжёлом состоянии только через сутки попал в госпиталь на восточный берег Одера.

Фронтовые друзья

Далее медленно, медленно на восток – Познань – Харьков – Москва. С 1-го сентября 1945 года я снова студент 1-го курса физического факультета МГУ».

Война закончилась. Всеволоду Фёдоровичу 21 год, два ордена, медали, пять ранений, тяжёлая контузия, инвалидность. Впереди – учёба, преподавание, научная работа, защита кандидатской, а позже и докторской диссертаций, работа с аспирантами и докторантами, заведование кафедрой, создание научного направления Физика поверхности полупроводников.

Студенты физического факультета МГУ, 1949–1950

Москва и Подмосковье в войну и Салют Победы

Моя семья в военные годы

Т.Г. Михалева (Семенова)

На встрече выпускников физфака 1963 г. выпуска, который состоялся в апреле 2015 года, было сказано много теплых слов о преподавателях физфака и отцах наших сокурсников, которые были на фронте. Мы отдавали им должное уважение и любовь. Они жертвовали своей жизнью, спасая нашу Родину. Но не было сказано ничего о наших мамах, которые были все время с нами – детьми, все те военные годы. Именно благодаря нашим мамам и близким людям мы выжили в трудные военные годы. Именно им мы обязаны своим здоровьем, тем, что еще живы и многие из нас стали не только счастливыми де и ба, но и пра (как я, например). Своими детскими воспоминаниями о военных годах я всем им низко кланяюсь и выражаю свою искреннюю благодарность.

Самое начало войны и что тогда было в Москве я, конечно, не помню: была еще очень мала. Немцы подошли к Москве очень быстро, и в сентябре–октябре началась массовая эвакуация невоеннообязанного населения Москвы. По рассказам моей мамы, она с моим братом (на два года меня старше) и мной, совсем крохой, находилась в вагоне-теплушке поезда, который ждал своей эвакуационной отправки в Башкирию на путях Казанского вокзала. Там нас отыскал отец, который был

Нина Павловна Семенова

Григорий Васильевич Семенов

еще в Москве. Он как-то нас нашел и сообщил, что его оставляют работать в Москве. Тогда мама решила, что она останется с детьми и с ним в Москве, как бы дальше ни сложились события. И мы вернулись домой.

Дом, где жила тогда наша семья, находился на улице Мытной недалеко от фабрики Гознак. Это был большой восьмиподъездный дом, построенный в 1935 г. для работников метрополитена. Мои родители познакомились, работая в метро. Мама после окончания транспортного техникума была активной комсомолкой, работала диспетчером составов на блокпосту. После рождения второго ребенка – меня мама ушла из метрополитена (в яслях я все время болела) и занималась семьей. Папа – не знаю, какая у него была должность, но связана была с электрическими подстанциями.

В торце этого дома был продовольственный магазин, в витрине которого стоял на задних ногах огромный поросенок, на передних висели связки сосисок. Поэтому местные жители называли этот магазин «Поросенок», а сам дом «У поросенка». На первом этаже было запланировано общежитие для молодых. Потом, когда многие из них переженились, общежитие разделили на пятикомнатные квартиры (коммуналки), в комнаты которых вселялись молодые

семейные пары. В одной из них, поженившись, жили и мои родители, а потом появились там брат и я. Вот туда мы и вернулись с путей Казанского вокзала вместо эвакуации в Башкирию.

Самые первые мои воспоминания о военной Москве связаны с бомбежками. В 1941–1942 гг. немцы сильно бомбили Москву. В каждой комнате на стене висели черные «тарелки» – рупоры радио, которое не отключалось круглые сутки. На всех окнах были шторы из плотной черной бумаги, не пропускающей свет. Нельзя было включать свет в комнате, если не спущены эти шторы.

Поначалу, как только раздавалась по радио сирена, предупреждающая о бомбежке, мама нас одевала и бежала с нами в бомбоубежище. Само бомбоубежище я не помню. Но помню, как однажды, вернувшись оттуда, мы обнаружили нашу комнату всю в осколках оконного стекла. Стена напротив окна была с дырой. Но самое ужасное для меня: я увидела на полу моих любимых красных рыбок и разбитый аквариум! Вот это было для меня тогда настоящим детским горем.

Помню, что с какого-то момента мама перестала ходить с нами в бомбоубежище после сирены, а только надевала на нас независимо от погоды зимнюю одежду, и мы сидели на диване в коридоре. Много позже мама рассказала, что однажды, когда она по какой-то причине не побежала с нами в бомбоубежище, туда попала бомба.

Район Москвы, где мы жили во время войны, подвергался сильной немецкой бомбежке. Мне кажется, это связано с тем, что там недалеко от нашего дома были Гознак, 2-й шарикоподшипниковый завод (ГШПЗ – «второй шарик»), электромеханический завод им. Ильича (где Каплан стреляла в Ленина) и авторемонтный завод. Бомбоубежище, куда попала немецкая бомба и где нас по воле случая или Бога не было в тот момент, находилось в сквере как раз недалеко от «шарика». Во время бомбежек начинали стрелять по немецким самолетам наши зенитные установки, которые стояли на крышах этих объектов. Было очень громко и страшно.

Как жила наша «коммуналка» тогда? Довольно дружно. Днем дома были только женщины с маленькими детьми. Вечером они собирались на просторной кухне, где стояла печка «буржуйка» с трубой в форточку окна. Мне очень нравилось там крутиться и смотреть, как горит печка. Женщины занимались какими-то делами. Мама у меня была большая рукодельница. Она всю войну делала какие-то вещи (вязала и шила кисеты, варежки, шарфы) солдатам на фронт и плела какие-то заградительные сети. Папу в это время я совершенно не помню. Он приходил так поздно и уходил так рано, что я его тогда просто не видела.

Март 1941, в яслях

Самой главной задачей наших московских мам во время войны была задача накормить своих детей. Для этого надо было «отovarивать» продовольственные карточки, которые выдавались каждой московской семье в

количестве и качестве в зависимости от состава семьи. Информация о том, где и что выдают по карточкам, передавалась только устно. «Места» надо было знать. Мама нашей квартиры делилась друг с другом такой информацией. Иногда получалось так, что дома оставались только маленькие дети, а мамы срочно уезжали на «отоваривание» карточек довольно далеко от дома.

Мама наша почему-то нас с братом запирала в комнате, когда уезжала. Я эти моменты очень не любила и боялась. Поскольку в нашем доме в подвальном помещении были складские помещения продовольственного магазина, то на первом этаже были тоже крысы. Я их ужасно боялась. Помню, как однажды мама возвращается, а я сижу на столе, потому что в крысоловку попались две здоровые крысы и мне казалось, что на столе они меня не найдут. Еще не любила оставаться без мамы после одного случая. Брат¹ у меня был очень активный, если сказать современным термином – «реактивный» ребенок. Однажды, когда мама уехала, он играючи разбил литровую бутылку с подсолнечным маслом и вину свалил на меня. Влетело обоим. А мне было жутко обидно.

Мой муж Михалев Юрий Борисович родился в Ленинграде и был там ребенком самую страшную первую блокадную зиму. Отец его был на ленинградском фронте, старший брат умер от дистрофии в первую зиму блокады, а его и маму полуживых вывезли на барже через Ладогу по «дороге жизни» летом 1942 г. Конечно, его жуткие воспоминания о первой блокадной зиме и мои детские «беды» нельзя даже сравнить. Повезло нашей семье в том, что у меня были две бабушки в Подмоскovie, у обеих были небольшие огороды и какая-то живность. Хоть и редко, но с какой-либо оказией на наш стол что-то оттуда перепадало.

С 1943 г. меня и брата стали отправлять «на откорм» то к одной бабушке, то к другой. Вдвоем с братом меня отправляли к той бабушке², что жила поближе к Москве: от станции «Царицыно» на автобусе минут 30. Одну меня, как спокойного ребенка, от которого не приходилось ожидать каких-то каверз, отправляли летом подальше – к «папиной бабушке»³ или к папиной старшей сестре тете Лизе, что жили подальше от Москвы. «Подальше» – это тогда считалось за Лопасней (г. Чехов) и добирались туда в то время часов 6–7. Кто и как меня туда отвозил и забирал, я не помню. Я там очень скучала,

Семенова Тania, Семенов Олег, 1943 г.

¹ Семенов Олег Григорьевич, закончил геологический факультет МГУ, канд. геол. наук, стал известным (не только в России, но и за рубежом) специалистом по подземному хранению газа.

² Мамина мама (бабушка Надя) была директором сельской школы в Ленинском районе Московской области, отличником народного просвещения, награждена орденом Ленина.

³ Папина мама (бабушка Дарья) была Мать Героиня СССР, вырастила 10 детей. Трое из пяти ее сыновей (мой дядя) были на фронте: один погиб, двое вернулись инвалидами, с орденами.

потому что практически была одна целый день: тетя Лиза работала каждый день на колхозном птичьем дворе, мои взрослые двоюродные сестры работали в Лопасне и Серпухове, дядя Ваня и двоюродный брат Миша были на войне. Однажды я решила сама пойти в лес за малиной. Тетя пришла с работы, меня нет, дом открыт. Меня искали всей деревней. Все были рады, когда я нашлась с малиной, и никто меня не ругал.

Все, кто не был тогда на фронте, работали много и тяжело. В деревне в то время работали в основном женщины, мужчин практически не было. Но как они умели отдыхать, когда выдавалась такая возможность, сколько у них было желания жить и надежды на встречу с родными фронтовиками! На всю жизнь запомнила деревенскую вечеринку, куда меня взяла тетя. Я первый раз там увидела, какие красивые могут быть простые русские деревенские женщины и как красиво они могут танцевать кадрили с множеством «колен» этого танца. Хотя мужчина там был только один – инвалид, играл на гармони. Правда, что это кадрили, я поняла, конечно, много-много позже. По воскресеньям в родной дом приезжали мои старшие двоюродные сестры, красавицы, помогали тете по хозяйству. По вечерам они великолепно пели русские романсы и народные песни. Наверное, с тех детских лет и я полюбила их. Осенью меня забирали в Москву, поздоровевшую на чистом воздухе и поправившуюся.

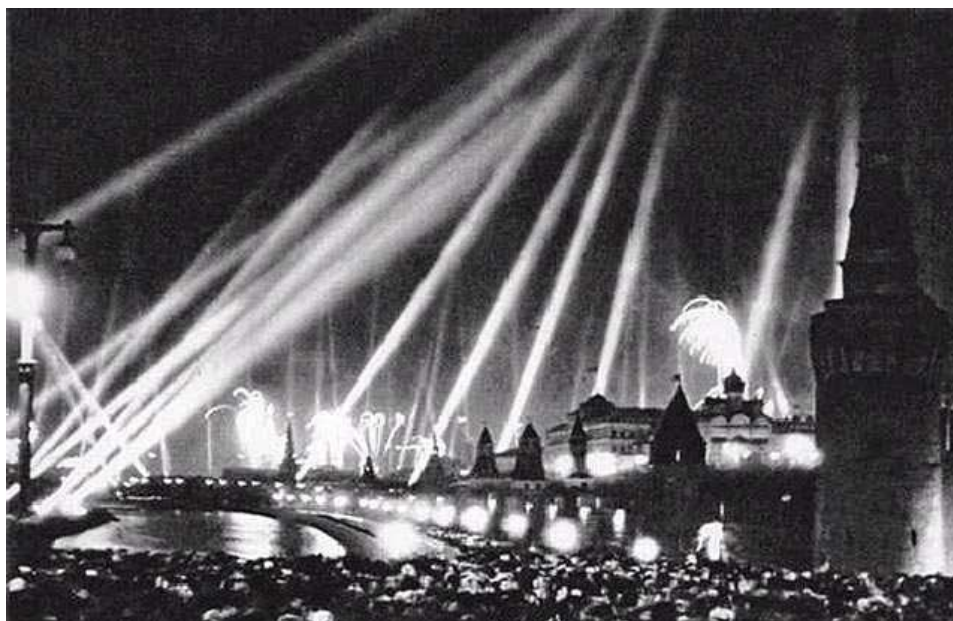
Папу своего в военные годы я начинаю вспоминать только с первых зимних салютов в Москве. Салюты в Москве стали проводить в честь побед Советских вооруженных сил. Производились они с наступлением темноты (обычно 22–23 часа) после прочтения приказа главнокомандующего по радио. Первый салют был дан в августе 1943 г. в связи с освобождением Орла и Белгорода. А потом в Москве были салюты каждый раз в связи с освобождением от фашистов наших больших городов, о чем торжественно возвещал по радио голос Юрия Левитана. Из зенитки, которая стояла на крыше «шарика», во время салютов палили зарядами фейерверка. Зимой папа, если был дома в это время, сажал меня на санки и вез туда. Было очень громко, но совсем не страшно, а весело и красиво: темное небо, яркие вспышки салюта, белый блестящий снег, скрип полозьев санок и ощущение защищенности – я ведь с папой...

Но наиболее яркое воспоминание о салюте в Москве – это, конечно, Салют Победы! Сейчас уже я не могу вспомнить и понять, и не у кого спросить, почему папа взял меня с собой, когда решил идти на Красную площадь вечером 9 мая 1945 г. Не помню также, был ли с нами брат или мама оставила его дома. Помню только себя и отца. Транспорт не ходил. Мы шли по Мытной, потом по Люсиновской, по большой Ордынке к Большому Москворецкому мосту. Вначале я бежала рядом с папой, взявшись за его руку, потом он посадил меня на плечи. Сверху мне было видно, как много людей идет в том же направлении, что и мы. По мере приближения к Москве-реке людей становилось все больше. Это была огромная ликующая толпа. Кругом смеялись, пели песни. Если в толпе был замечен военный, его тут же окружали и начинали подбрасывать вверх, кричали «Ура!». А я сидела на плечах отца и была счастлива. Салют Победы начался, когда мы были на набережной у моста. Панорама этого

Салюта запомнилась именно такой, как на историческом снимке: в небе множество лучей от прожекторов, подсвеченные «колбасы» аэростатов, кругом множество совершенно счастливых людей – война ЗАКОНЧИЛАСЬ! Каждый залп Салюта сопровождался многотысячными криками «Ура!!!». Уже будучи совсем-совсем взрослой, я узнала, что салют был дан из 1000 орудий и было всего 30 залпов.

Во время войны мой папа был одним из тех тружеников тыла – москвичей, от кого зависело бесперебойное энергоснабжение Москвы, в частности особо важных объектов. Принимал участие в сооружении оборонительных укреплений вокруг Москвы, в противовоздушной обороне, в первичной подготовке допризывников. Награжден медалью «За оборону Москвы в период Великой Отечественной войны» и множеством всяких грамот и благодарностей. Папа работал до 80 лет и умер на 95-м году жизни. Без самоотверженной работы в тылу таких, как мой отец, победа СССР в той Великой войне была бы невозможна. А беззаветная забота о нас наших мам и близких людей позволила нам – детям войны вырасти, прожить достойную жизнь и увидеть Салют в честь 70-летия нашей Великой Победы!

Дорогие мои сокурсники, выпускники физического факультета МГУ 1963 года! Я вас всех люблю и желаю крепкого здоровья!

Салют Победы

А.Л. Пирогов, 1940 г.

Анатолий Леонидович Пирогов

В.А. Пирогов

Анатолий Леонидович Пирогов родился 19 февраля 1915 г. в г. Туле. Умер от ран 23 сентября 1944 г. Похоронен в местечке Упенеки Иецавского района близ г. Елгава в Латвии. На момент смерти – капитан, командир минометной роты 1152-го стрелкового полка 344-й стрелковой Рославльской дивизии 33-й Армии 3-го Белорусского фронта. Награжден орденом Красной Звезды (по данным электронного банка документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»¹, в семье сведений о награждении не было).

Анатолий Леонидович родился в семье ученого-физиолога, участника 1-й мировой войны Леонида Степановича Пирогова (1882–1972) и врача Анны Михайловны Пироговой–Ожогойной (1882–1937). Имел старшего брата Всеволода (1910–1936).

Отец Анатолия Леонидовича Л.С. Пирогов родился в семье сельского учителя Пирогова Степана Викуловича и Пироговой Ольги Григорьевны из деревни (починка) Пирогово Уржумского уезда Вятской губернии (ныне Сернурского района Республики Марий Эл), окончил в 1905 г. Казанский ветеринарный институт.

Л.С. Пирогов с сыном Всеволодом, 1917 г.

А.М. Пирогова

Мать Анна Михайловна Пирогова (Ожогойна) – дворянского происхождения, окончила Высшие женские курсы (предположительно Бестужевские).

В 1913 г. Л.С. Пирогов с женой и сыном Всеволодом находился в Германии в трехгодичной научной командировке – стажировке по государственной программе (1913 г. – Германия, 1914 – Франция, 1915 – Швейцария). После начала 1-й мировой войны семья была репатрирована,

Л.С. Пирогов призван на военную службу в звании ротмистра (капитана) в качестве ветеринарного врача в кавалерию и отбыл на войну. А.М. Пирогова работала в госпитале в Туле, где и родился Анатолий Леонидович. После демобилизации в 1917 г. Л.С. Пирогов занимался наукой и преподавал в Донском ветеринарном институте, где защитил докторскую диссертацию, а после февраля 1917 г. был избран ректором этого вуза.

¹ <http://podvignaroda.mil.ru>

С 1929 г. семья жила в Москве, Л.С. Пирогов работал в «Лаборатории обработки кожсырья» и преподавал в Московской ветеринарной академии. А.М. Пирогова работала в одной из московских больниц. После ареста в 1930 г. по обвинению в «антисоветском заговоре сотрудников лаборатории» Л.С. Пирогов был заключен в Бутырку и через год сослан из Москвы в деревню под Новосибирском, затем (через 2 года – в 1933 г.) в Уфу. Ему было поручено организовать в создаваемом Башкирском сельскохозяйственном институте кафедру физиологии животных и биохимии и заведовать ей. Семья осталась в Москве. В 1936 г. от туберкулеза умер сын Всеволод Леонидович, а в 1937 г. жена Анна Михайловна.

А.М. Пирогова
с сыновьями
Всеволодом (слева) и
Анатолием (справа),
1936 г.

В 1933–1936 гг. А.Л. Пирогов добровольно служил в Красной армии. Участвовал в учебном походе от Полтавы до Киева в противогазах – 342 км с 23.02 по 04.03 1936 г. (11 дней). Затем, закончив рабфак, обучался в Московском правовом институте на прокурорском факультете, но обучение не закончил (ушел с 4-го курса). Работал журналистом (литературным сотрудником отраслевых журналов).

А.Л. Пирогов во время службы в армии 1933–1936 гг.

В 1939 г. Анатолий Леонидович женился на Вере Давидовне Товаровской и в апреле 1940 г. у них родился сын Всеволод.

Март 1941 г.

Анатолий Леонидович призван в Красную армию 7 августа 1941 г. Свердловским райвоенкоматом г. Москвы. После обучения во Владимирском военном училище в июне 1942 г. отправлен на фронт в звании старшего лейтенанта. Находясь на фронте, командовал миномётной ротой, публиковал заметки и рассказы во фронтовых газетах. В августе 1943 г. был в отпуске в Москве, однако с женой и сыном встретиться не смог, поскольку они были в эвакуации в Уфе, а разрешения приехать в Москву им не дали. В 1944 г. командовал минометной ротой уже в звании капитана.

Приказом от 22 августа 1944 г. № 030/Н частям 344-й стрелковой Рославльской дивизии 33-й Армии 3-го Белорусского фронта награжден орденом Красной Звезды. В наградном листе от 8 августа 1944 г. написано: «За период наступательных боев он проявил себя смелым и решительным командиром. Огнем своих минометов он уничтожил одну самоходную пушку, 5 пулеметов, свыше 80 немецких солдат и захватил в плен 24 солдата и 2 офицера противника. При форсировании рек Днепр, Березина и Неман он хорошо обеспечивал переправу пехотных подразделений батальона. В боях за плацдарм на западном берегу Немана, за прорыв немецкой обороны и во всех последующих боях его минометы всегда работают четко и слаженно».

Через месяц после подписания этого приказа Анатолий Леонидович был ранен осколками снаряда в живот и 23 сентября 1944 г. умер от ран.

Похоронен в братской могиле №13 в деревне Упенеки Иецавского района близ города Елгава в Латвии.

О родителях

Э.Н. Плюснина

Мои родители **Плюснина Клавдия Николаевна** (1910 г.р.) и **Шемаров Николай Александрович** (1910 г.р.) познакомились в 1931 г. в Починковском педучилище Горьковской области, где они работали преподавателями. Мать окончила Вятский педагогический институт и преподавала физику и математику, отец увлекался философией, занимался самообразованием и имел склонность к научной работе. В 1934 г. мать поступила на работу в Горьковский авиационный техникум и переехала в Горький, но их знакомство продолжилось. В 1939 г. они решили вступить в брак. Но жить вместе им не пришлось.

В августе 1939 г. отец поступил в аспирантуру исторического факультета Ленинградского университета и переехал в Ленинград. Мать жила в Горьком с сестрой Анной Николаевной (1907 г.р.), которая работала фармацевтом, с 1939 по 1941 г. В ноябре 1939 г. отец был призван в армию и, когда началась война, сразу же был отправлен на фронт. Я родилась в июле 1940 г. Отец меня видел один раз в апреле 1941 г. (мне было примерно 9 месяцев), когда приезжал в короткий отпуск в Горький из Москвы, где в это время служил. Мать получила от него четыре письма с фронта, первое от 22 июня 1941 г. и последнее от 20 октября 1941 г. Адрес его полевой почты: полевая почтовая станция 846, 11-й мотополк, 3-я рота. Это были танковые войска.

В ноябре–декабре 1941 г. в связи с сильными бомбёжками Горького мать вынуждена была эвакуироваться с ребенком и сестрой на свою родину, деревню Вохомского р-на Костромской области, где мы оставались до окончания войны. Мать работала в колхозе счетоводом.

После войны она пыталась узнать о судьбе отца, но конкретной информации не было: сначала он числился пропавшим без вести, потом – в списках погибших. Только в 1988 г. мы получили письмо из архива армии, где было указано, что он погиб в ноябре 1941 г. и похоронен в дер. Шалушка Ленинградской области. Мать больше замуж не выходила, жила с сестрой и дочерью. Всю жизнь проработала преподавателем в техникуме и пединститутах в разных городах. Имела правительственные награды: значок «Отличник социалистического соревнования цветной металлургии», 1947 г., медаль «За трудовую доблесть», 1961 г.

Эльвира Плюснина
МЫ ДЕТИ БЛЕДНЫЕ ВОЙНЫ

Детство

Дождь сыплется на озеро лесное,
И кажется – вблизи журчит ручей,
И зелень юная стесняется немного
Своей красы весенней.
Сияет чистый земляничный лист.
Вдруг детство вспомнилось далёкое
В укромной костромской деревне.
Зимою волк захаживал, бывало.
Кричали: «Волк!» – и было очень страшно.
Баран воинственный боднул в живот.
Ручей заморозил прозрачностью –
Меня со дна достали.
А за околицей поля, тропинки...
И тёплый бугорок в лесу,
Покрытый земляникой.
Он долго снился мне...
Теперь уже не снится.

Отец

Мне был лишь год, и я не знала,
Что оказалась у начала
Смертельной жертвенной войны,
Что мой отец в утробе танка
Порою вспоминает Канта,
Но дни танкиста сочтены.

А он в своем идеализме
Мечтал о справедливой жизни...
Письмо последнее прислал –
Был август, первая година,
Уже обрушилась лавина –
И жизнью, и судеб обвал.

Под Ленинградом схоронили
В солдатской, праведной могиле –
Последний штрих в земной судьбе.
Он в церкви Богу не молился,
Но жизнь отдал – не поспешил...
И в Небо путь открыл себе.

Первая любовь

Война. Деревня костромская.
Страды горячая пора.
У мамы вахта трудовая,
Сынишка каждый день с утра

Закрыт в избе. Сидит примерно,
Удрать не может никуда,
А под окном подругой верной
Его соседка, как всегда, –

Трёх-четырёх годков девица.
То я была. Худа, мала.
Мать всё звала домой – умыться,
Никак дозваться не могла...

Он к нам являлся без смущенья
В рубашке рваной, босиком,
И мама, словно в день рожденья,
Кормила гостя пирогом.

О чём, не помню, говорили –
Житейский ветер закрутил.
Шутили, женихом дразнили...
Осталось имя – Рафаил.

Победа

Я помню этот день. Тепло и тихо.
Луга вокруг, и зелень трав чиста.
И женщина бежит, простоволоса,
Кричит и плачет, и платок в руке.

Мне поведали частушки:
«Вот и кончилась война!
Гитлер в бане удавился,
Гитлериha умерла».

Задорные частушки – вечером
По всей деревне. Праздновал народ
Незабываемый,
Победный сорок пятый.

Дети войны

Война не кончилась в момент,
Когда разрывы отгремели
И генералы в зале сели
И подписали документ.

Война не кончилась для нас,
Кто жил тогда и ныне живы.
Хранят секретные архивы
Дела, забытые сейчас.

Мы дети бледные войны,
Мы помним чёрные руины
И матерей худые спины,
Но мы счастливо спасены.

Передо мной отца портрет,
Я на него была похожа.
Ушёл на фронт в расцвете лет,
И тут же смерть...
Как больно всё же!

Письма войны

Мне трудно читать пожелтевшие писем страницы –
Далёкие годы на них оживают опять.
И больно, и страшно в исчезнувший мир погрузиться,
Но хочется глубже войти, и узнать, и понять.

Отец меня видел – из писем узнала об этом,
А думала – так и погиб, не запомнив меня.
Быть может, младенческий взгляд оказался тем светом,
Который его согревал до последнего дня.

А Горький бомбили, мы с мамой сидели в подвале,
Прикованы к месту и времени общей судьбой.
Суровые руки войны тех детей пеленали...
Всё, кажется, в прошлом, но прошлое носим с собой.

Портреты родителей

Портреты смотрят на меня,
Из прошлого ко мне зывают.
Стоишь ли час или полдня,
Они тебя не отпускают.

По молодым ещё глазам
Не угадать земных уделов.
Скажите, встретились ли там,
Куда ушли, где нет пределов?

Покинули меня давно,
А мне идти своей тропой...
Свершится всё, что суждено.
Душа останется живою.

Мама

Проложу я молитвой в запретные дали тропинку,
Словно в узкую щель, незаметно по ней проскользну,
Чтоб успеть поскорее внести золотую крупинку
В твою светлую память – добытых сокровищ казну.

Загляну в твои сны – в них сияют над Волгой закаты,
Ты стоишь на ветру – статуэтка работы ручной,
И отец с увлечением, так же как в тридцать девятом,
Рассуждает о Гегеле, ёжась в прохладе речной.

Знаю, в сон твой благой строгий страж никогда не пропустит
Похоронки, как пули, внезапный и жгучий удар,
И больного ребёнка, и привкус пожизненный грусти,
Что бывает у вдов, и от печки дымящей угар.

Постою в твоём сне, замирая с надеждою зыбкой
Вновь увидеть себя старшеклассницей с длинной косой
И тебя, навсегда молодой, с безмятежной улыбкой,
И тогда я поверю, что встретимся скоро с тобой.

Майская сирень

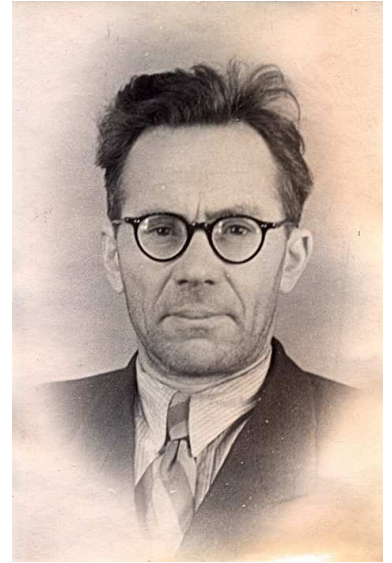
И в скорбный час отрадны песнопенья.
Прносятся в душе и свет, и тень.
И горький день, и сладкие мгновенья
Уйдут навек, и зацветет сирень.

Когда же май разливом глаз лиловых
В слезах любви посмотрит на меня,
Душа вздохнёт, и в песнопеньях новых
Польётся радость солнечного дня.

Мои воспоминания о Дне Победы

Н.А. Сахарова

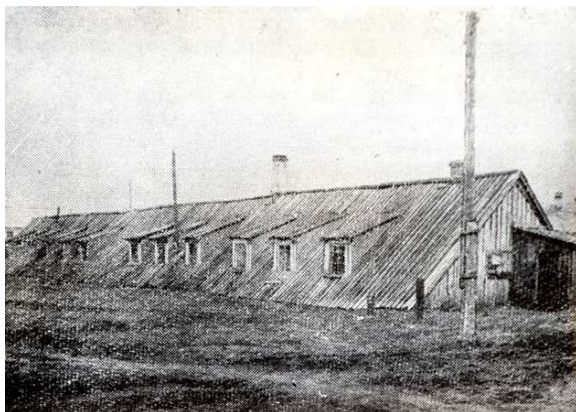
Вспоминая Великую Отечественную войну, мне хочется сказать несколько слов о моём отце, Сахарове Александре Сергеевиче, человеке, который не был на фронте, но всю войну работал для фронта – он был инженером-конструктором на московском авиационном заводе №25, где делали авиационные двигатели. Ему, как и другим инженерам и квалифицированным рабочим, дали «бронь». Они не сражались с врагом на поле боя, но обеспечивали нашей авиации возможность бить фашистов.

Александр Сергеевич Сахаров

Когда началась война, мне было полтора года, и мама сразу же отправила меня в Кострому к бабушке. Родители оставались в Москве. Они хорошо помнили день 16 октября, когда москвичи бежали из города (мама говорила: «день большого драпа»), пережили бомбежки. Они не спускались в метро, и мама рассказывала, что когда бомба упала на Арбатской площади (мы жили в Центре, на Гоголевском бульваре), в нашей комнате вылетели из окна все стекла, а большой ковер, закрывавший окно, поднялся до потолка.

Осенью 41-го года завод отца эвакуировали в Ульяновск, в его родные места (отец родился в Сенгилее, небольшом городке на Волге, чуть ниже Ульяновска). Оборудование везли специальным эшеленом, а работники завода должны были добираться до Ульяновска самостоятельно, на что им дали несколько дней. В это время мама уже была со мной в Костроме, и отец решил, что он сможет по пути нас повидать. Видимо, он прислал нам телеграмму о своем приезде, так как мне все говорили: «Сегодня приедет папа!». Я ждала этого момента и на всю жизнь запомнила своего отца в дверях столовой костромского дома. Ведь я «впервые» (сознательно) увидела своего отца! Наверно, это мое самое раннее воспоминание в жизни. В тот же день отец пошёл отмечаться в военкомат, и ему было сказано, что если он не уедет в Ульяновск сейчас же, то его арестуют как дезертира. Никакие доказательства, что у него есть несколько дней, никакие документы, где был указан срок, когда он должен прибыть в Ульяновск, не помогли, и отец в тот же день выехал поездом в тамбуре, так как мест в вагоне не было, а ведь это было уже начало зимы.

Почти полтора года, две зимы отец прожил без нас под Ульяновском. Я не знаю, как выглядели заводские корпуса, но барак, где жили работники завода, я видела сама, да и, наверно, такой же

запечатлён на фотографии, подаренной мне в Ульяновском музее. «Удобства» были на улице, воду брали из колонки, к которой всегда стояла длинная очередь, электричества тоже не было, еду готовили на керосинках (это-то не было необычным). Под окном комнатки был крохотный участок земли, где можно было что-то посадить. Весной отцу кто-то дал горсть проса, и он без всякой надежды на урожай его посеял. А осенью получил чуть не мешок пшеницы! Это была радость! В зимние вечера отец сидел один, и его единственным «собеседником» была мышка, которая его совершенно не боялась, бегала по его рукам и плечам...

Весной 43-го года мама со мной приехала к отцу. Я помню маленькую комнату, одну из многих вдоль длинного коридора; помню ведро с водой, где однажды утонула мышка, помню лестницу в несколько ступенек при входе в барак...

Завод вернулся в Москву в начале августа 43-го года. Я хорошо помню этот солнечный день 5 августа, когда наша семья наконец-то вошла в свою комнату на Гоголевском бульваре. Я помню, как в этот вечер мы с балкона смотрели салют: это был день освобождения Орла, день первого салюта Победы.

Но война продолжалась, завод по-прежнему изо всех сил работал на фронт. Фронт не мог ждать, всё надо было делать как можно быстрее, люди не позволяли себе передохнуть. Отец приспособил дома чертежную доску, и я помню его в нашей комнате работающим, работающим и работающим... От недоедания и переутомления у него начались нарывы на лице, и я помню его у чертежной доски с забинтованным лицом. А потом воспаление легких... Но тут уж его положили в больницу.

И, наконец, 9 мая 1945 года! У моих родителей была старая дружная компания, все эти семьи жили в Центре, недалеко друг от друга. Естественно, этот счастливый день они праздновали вместе, сначала в одном доме, потом пошли в другой. Меня не с кем было оставить, и я все время была с ними. И вот когда вся эта компания входила с улицы Горького в Козицкий переулок (рядом с Елисейевским), какая-то легковая машина тронулась с места нам навстречу. Один из наших мужчин подбежал к ней и хлопнул рукой по ветровому стеклу. Машина остановилась, водитель (совершенно незнакомый человек) вышел, и они стали обниматься! Я спросила отца: «А разве можно останавливать машины?». И он ответил: «Сегодня всё можно, сегодня День Победы!». Это было сказано с такой радостью, что я на всю жизнь запомнила эти слова и этот миг.

А потом мы возвращались домой на Гоголевский бульвар через площадь Революции. Я сидела на плечах отца, вокруг нас была радостная, ликующая толпа, счастливые лица... Была ночь, а в небе освещённые прожекторами светились портреты Сталина...

Таким я навсегда запомнила День Победы.

ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ ВОЙНЫ (март–май 1945)

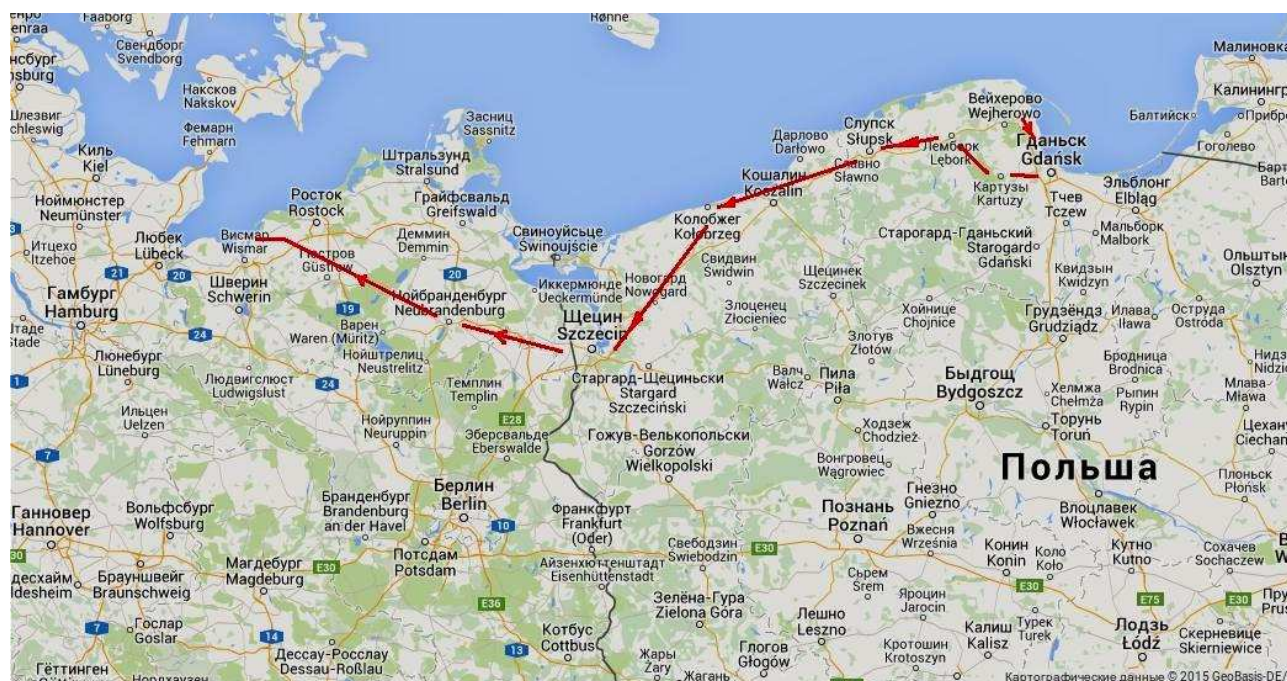
Выдержки из военного дневника
АЛЕКСЕЯ ПЛАТОНОВИЧА СЕМЕНОВА
Т.А. Семенова

Небольшое предисловие. Мой отец, А. П. Семенов, по профессии – школьный учитель математики. С 1938 г. он жил с семьей в поселке Горная Колывань на Алтае, преподавал в местной школе физику, математику, черчение и астрономию. Был призван в армию в сентябре 1942 г. и начал службу рядовым солдатом в артиллерийских войсках – топографом-вычислителем. В декабре 1942 был ранен и контужен на Калининском фронте. С января 1945 воевал во 2-м Белорусском фронте в составе 136-й дивизии, руководимой полковником В.И. Трудюлюбовым. С марта 1945 вел дневник. Пробыл в должности топографа-вычислителя до конца войны и демобилизован в мае 1945 г. После войны до выхода на пенсию работал учителем математики в средней школе военного гарнизона в Монино. Один из его учеников – Володя Корец – был нашим сокурсником.

Привожу лишь выдержки из дневника. Кроме того, добавила из интернета современные карты мест, где были бои. Большинство названий сел и городов на карте современные (польские). В 1945 г. названия были немецкими, поэтому не везде удалось сопоставить названия в дневнике и на картах.

Таня

Карта 1. Север Германии и Польши. Красная линия – примерный маршрут наступления 136-й дивизии 2-го Белорусского фронта

КОЛЛЕЦКАУ. 17.03.45. Маленькая деревушка в нескольких километрах к западу от Гдыни (карта 1).

В 9.15 18 марта залпом "Катюш" началась артподготовка.

23 марта занят Сопот¹ – береговой городок между Данцигом² и Гдыней. Мы вступили около часу ночи. Ночью был разбужен залпами морской артиллерии немцев. Снаряды рвались совсем рядом.

Ночью на 24 марта переехали с северной на южную окраину Сопота. С 17 марта передислоцировались четыре раза. Сопот горит.

Карта 2. Маршрут наступления с 27 марта по 4 апреля

24 марта занят Олива, северный пригород Данцига. Горит.

26 марта переехали в Олива. Идут упорные бои, продвигаемся медленно, немцы ожесточенно сопротивляются. Воздух заполнен артиллерийскими выстрелами и разрывами снарядов. По нас иногда бьет морская артиллерия противника. Вчера на окраинах Олива немцы контратаковали нас и потеснили с полкилометра. Прилетели наши самолеты поддерживать пехоту. На наших минах подорвались и затонули три парохода противника с эвакуированным населением и ранеными. По улицам из района боев движутся немцы – женщины, старики, дети... Плачут женщины, плачут дети...

Наш самолет сбросил бомбу на дорогу, запруженную нашими войсками. Семь убитых и 15 раненых.

28 марта. Вчера наша пехота сильно продвинулась вперед, вступила в Данциг и, говорят, заняла остров на Висле, т.е. дошла до центра города. Мы перешли на южную окраину Оливы. Данциг хорошо виден. К вечеру начались пожары. Огромное облако дыма стоит над Данцигом. Только местами сквозь дым прорывается яркое пламя. Особенно велик один пожар, языки его

пламени вызывают сравнение с солнечными протуберанцами.

Переехали еще ближе к Данцигу. Расположились в четырехэтажной башне какого-то завода. Данциг хорошо виден. Наблюдаю мрачное зрелище горящего большого города. Весь Данциг окутан огромным облаком дыма. Пахнет гарью.

Находимся под непрерывным обстрелом. Только что принесли двух раненых из второго дивизиона. Третий убит тем же снарядом.

Ездил на грузовой машине в захваченный продсклад немцев в Данцигской гавани. Три раза попадали под огневые налеты немцев. Один снаряд разорвался на полу склада в то время, как мы находились в подвале. Набрали 25 ящичков мясных консервов. Посчастливилось достать несколько бутылок шампанского. Вышли. Полсклада залито какой-то смесью вина, пива и еще черт знает чего. Между прочим, немцы нарочно не уничтожают спиртные и винные заводы и склады. Это тоже один из способов ведения войны.

Вечером пришло известие, что взята Гдыня.

В Данциге в руках немцев только приморский район и часть гавани. Остальная часть города занята нашими.

29 марта. Утреннее солнце не может пробиться через густую дымовую завесу, поднимающуюся над городом.

Последние дни – дни крупных успехов на всех фронтах. Союзники начали крупное наступление и форсировали Рейн на широком фронте.

Успешно ликвидируются Кенигсбергский и Данцигский "котлы". Украинские фронты снова перешли в крупное наступление.

¹ В дневнике город назван Поппот.

² Данциг – ныне Гданьск

30 марта. Вечер. Портовый пригород Данцига – Лауэнталь. Элеватор, Мертвая Висла, причалы. Переправа на тот берег на надувных понтонах.

Переправа все время находится под пулеметным огнем немцев. Где-то в полуразрушенном доме на противоположном берегу Мертвой Вислы засели "кукушки" противника и держат под огнем район переправы и вход в дом, где расположился штаб.

Вкатили орудие на прямую наводку. Начался поединок между нашими артиллеристами и немецкими автоматчиками. После каждого выстрела нашей пушки обстрел противника на время прекращается, но затем начинается снова. Стреляют трассирующими пулями.

В районе девятой батареи уже в темноте какой-то фриц-"кукушка" стал охотиться явно за нами. Обнаружил нас по карманному фонарику. Отлеживались в маленькой ямке, кругом свистели пули и мягко шлепались в землю около нас. Для того чтобы уйти, пришлось ползти по-пластунски.

ЛАУЭНТАЛЬ. 31.03.45 Данциг взят. Уже объявлен приказ Верховного Главнокомандующего. Получила благодарность и наша дивизия: "Войска полковника Трудолюбова". Но бои еще не прекратились. За Мертвой Вислой на узкой косе между рекой и морем, на небольшой площади в шесть квадратных километров, остались еще немцы, обороняются с ожесточением смертников.

Там положение тяжелое. Переправы противник держит под непрерывным огнем. Поэтому затруднено снабжение войск и эвакуация раненых. Ранеными забиты все подвалы на этой стороне.

Большие партии пленных...

ПИККЕЛЬКЕН. 2.04.45. Для нас, на время, война окончена: Данцигская группировка ликвидирована...

Наши потери очень велики. Были дни, когда из полка выбывало до 30 человек. Но особенно большие потери несла пехота. Был случай, когда для атаки слили два батальона в один, и было в этом объединении двенадцать человек. После атаки осталось четыре...

Говорят, что за все время существования полка, он не нес таких потерь.

Сейчас все это осталось позади, едем на новый фронт...

04.04.45. В Пиккелькене – третьи сутки. Погода хмурая, мокрая. Местность немного напоминает Колывань: смешанный лес с преобладанием ели, холмы, но, конечно, не такие, как горы в окрестностях Колывани, да и климат совсем другой.

Со взятием Данцига эта местность стала глубоким тылом, но вчера весь день над лесом маячил азростат воздушного наблюдения, один раз была слышна музыка "катюш", доносятся пулеметные очереди. Видимо, где-то в лесах еще бродят недобитые группы немцев...

ШТОЛЬП³ 7.04.45. Выехали пятого апреля из Пиккелькена. Погода хмурая, дождь. Лесные дороги превращены в сплошное месиво грязи, в котором машины утопают до самых осей.

В пути не везет. Вышли из строя пять баллонов. Из-за этих аварий от колонны отстали. Нагоняя по извилистой дороге со спуском..., шофер развил бешеную скорость. Прикрепленную к машине 122-мм гаубицу занесло на повороте и стало мотать, и в результате она опрокинулась, едва не опрокинув наш студебекер.

Главное развлечение нашей молодежи в пути – это кричать: "Воздух! Рама!" – при встрече с нашими военными девушками и смотреть, как они на это реагируют. Некоторые хохочут, другие ругаются, третьи многозначительно показывают на голову...

Штольп. Аккуратный немецкий городок. Довольно большой. Следы войны менее заметны. Правда, в центре стоят обгорелые стены пожарища, но нет ни людских, ни лошадиных трупов... Все убрано. Улицы ежедневно подметаются "цивильными" немцами. Работает электростанция, водопровод, канализация...

Вчера получено известие о денонсировании Советско-Японского договора о ненападении.

³ Ныне Слупск.

ПАНОВ. 9.04.45. Небольшой городок... в десяти километрах от Кольберга⁴.. Не видно ни одного немца. Пейзаж по дороге от Штольпа сильно отличается от Восточно-Померанского и характерного для Данцигского коридора. Там – крутые лесистые холмы, здесь – слабо рельефированная равнина с небольшими лесными массивами. Почва жирнее и, как следствие, с которым ежедневно сталкиваешься, картошка крупнее.

Приехала армейская передвижка, и нам демонстрировали кино – "Сердца четырех" – картина еще довоенного выпуска. Конечно, показ не такой, как в московском "Ударнике", и прерывается часто, и звук не тот, да и славяне наши не выдерживают сравнения с московской публикой, но приятно хоть на два часа отвлечься от войны и погрузиться в мир, когда-то столь близкий, а сейчас кажущийся какой-то фантастикой.

С фронтов отрядные вести. Германия агонизирует. В окруженном Кенигсберге доколачивается Восточно-Прусская группировка. Взята Братислава, в Вене уличные бои. Союзники, прорвав линию Зигфрида и форсировав на широком фронте Рейн – стремительно движутся на соединение с нами. Взяты Кассель, Мюнхаузен, Мангейм, Франкфурт на Майне и т.д. Рурский бассейн превратился в огромный котел. Вновь наступают югославы. Скоро и нам снова на фронт.

Сию один перед маленькой керосиновой лампочкой. Думы о детях... Последнее письмо... получено 23 ноября 1944 г. Декабрь, январь, февраль, март прошли с тех пор без писем. И не удивительно – четыре раза менялся адрес. Двухсотая, госпиталь, запасной и, наконец, сто тридцать шестая...

Завтра в дальний путь...

Карта 3. Два русла Одера (южнее Щецина) с болотистой поймой между ними. Точное место прорыва 136-й дивизии мне неизвестно. Черная линия – современная граница между Польшей и Германией – проходит по западному руслу Одера

МАЛЛОН. 14.04.45. Двенадцатого прибыло пополнение из числа военнопленных, освобожденных нами в Данциге и Гдыне. Эти спаслись, а многих немцы потопили, вывозя на барках в море и расстреливая артиллерией, многие погибли от наших снарядов.

Сегодня проехали... километров семьдесят... и остановились, не доезжая восемь километров до Одера. Фронт.

НОЙ БРЮНКЕН. 20.04.45. Снова фронт. Одер... На рассвете началась артподготовка... На всем протяжении фронта, которое удастся проследить, бьют на тот берег сотни, а может быть, и тысячи орудий. Западный берег Одера окутан облаком дыма, и ветер тянет это облако на нашу сторону.

Наша пехота уже на том берегу. Переправилась и часть нашей дивизии, и сосед слева – 162-я дивизия. Переправившись через Ост Одер, ей пришлось вброд идти по болотистой пойме, местами по грудь в воде до левого рукава Одера – Зюйд Одера и только потом переправляться на тот берег.

Высоты того берега хорошо просматриваются с нашего берега. Мешает смотреть только дым пожаров и разрывов наших снарядов и мин. Тем не менее в бинокли и в стереотрубу хорошо видны отдельные разрывы, лодки, плывущие через реку, а при благоприятных условиях и фигуры отдельных людей.

Сейчас пехота зацепилась за тот берег, и там идет бой. Слышится трескотня пулеметов, видны разрывы немецких снарядов. Наша артиллерия перенесла огонь вглубь обороны противника и методически стреляет туда. Бьют гвардейские

⁴ На берегу моря

минометы. Воздух заполнен гулом моторов – наша авиация, следующая одна за другой волнами, идет обрабатывать передний край противника и, отбомбив, возвращается назад.

Местность от Брюнкена до железной дороги идет вдоль Одера и носит следы ожесточенных боев. Насчитал до пятнадцати подбитых и сожженных наших танков типа "Черчилль". В них сгоревшие трупы наших танкистов и около них, тоже сгоревшие, те, которые успели выскочить и погибли "на воле". Вообще, много трупов, которые не убраны, несмотря на то, что со времени занятия этих мест прошло больше месяца. Лежат и немцы и русские, почерневшие и начинающие разлагаться...

Дни с 15 по 19 наполнены напряженной топографической работой. Развивали сеть, привязывали огневые позиции, НП⁵, командные пункты. Подготавливали то, что осуществляется сегодня. Спать почти не пришлось. Дни были заполнены полевыми работами. Несколько раз попадали под обстрел, последний раз сегодня под артиллерийский.

КЕНА. 23.04.45. 21-го была хмурая погода, авиация бездействовала, и немцам удалось столкнуть наших с занятых ими прибрежных высот на прибрежную низменность и почти столкнуть в воду. К счастью, к вечеру погода прояснилась, заработала авиация, и положение было восстановлено.

Вчера день был ясный, и авиация работала целый день. Воздух дрожал от гула моторов... Намечается успех у соседей слева и справа, 162-й и 15-й дивизий. У нас положение наиболее тяжелое, так как на нашем участке нет оборудованной переправы. Приходится два русла Одера (карта 3) переплывать на лодках, а залитую водой пойму между ними брести по колено и выше в воде, причем переправа через правый рукав Одера держится под огнем снайперов, так же как и подходы к ней.

Вчера весь день провел там, помогал тянуть связь. На том берегу КНП нашего полка и 4-й батареи. Сейчас предстоит повторить этот же путь...

Большой успех у маршала Жукова. Идут бои в предместьях Берлина...

Через Одер окончательно переправились 24-го. Мне в общей сложности пришлось форсировать Одер пять раз.

В Паргове, на западном берегу Одера, похоронили радиста Полторадиева – молодого двадцатилетнего парня. После занятия Паргова, когда перемещался туда КП, он попал под огневой налет немцев и был ранен в ногу. Медпомощь вовремя оказана не была, и он истек кровью. Погиб весельчак старший лейтенант Ковалев, вообще Одер дался дорогой ценой, были большие потери, особенно в пехоте.

Сейчас, когда Одер остался позади, фронт начал стремительно двигаться вперед. Пал Штеттин⁶, полностью окружен Берлин.

РЕДЕНТИН. 10.05.45. Три дня, проведенные в Альт Букове, для меня были заполнены писарской работой: оформлял наградные листы на отличившихся при форсировании Одера. Я тоже представлен к "Красной Звезде". Сейчас уже мой наградной лист подписан и находится в штабе дивизии.

Редентин – маленькая деревушка с большим господским двором и домом, на берегу Балтийского моря в пяти–шести километрах от порта и города Висмар.

В Висмаре англичане. Над нами пролетают их самолеты, приветственно качают крыльями. В Нойбукове ребята встречали английских летчиков, прилетевших за трофеями. Оказывается, англичане и американцы "шмутками" интересуются не меньше нас.

Карта 4. Деревня Редентин – последнее место квартирования 136-й дивизии

⁵ Наблюдательные пункты.

⁶ Ныне Щецин

Восьмого с вечера до глубокой ночи в Висмаре было заметно какое-то ликование – все небо было озарено фейерверками. У нас было еще темно и тихо, мы ничего не знали. Но ночью пришло известие о капитуляции Германии, и мы таким образом узнали, что ВОЙНА ОКОНЧЕНА. Вчера днем по этому поводу состоялся митинг и торжественный обед, на котором вручались ордена и медали ранее награжденным.

На этом выдержки из дневника прекращаю. Что касается ордена "Красной Звезды", по-видимому, наградной лист либо не был подписан наверху, либо затерялся. Мне о нем ничего не известно. Скорее, заменен медалью. Недавно моя племянница нашла в интернете наградной лист папы. Он был награжден медалью "За боевые заслуги" за участие в боях при форсировании Одера.

Алексей Платонович Семенов – Тане
Письмо с фронта

2.04.1945

Здравствуй моя дорогая Танюша, моя милая старшая дочка! Поздравляю тебя с наступающим днем рождения. Теперь тебе уже шесть лет, ты уже большая девочка и в будущем году пойдешь в школу, будешь учиться читать и писать, тогда ты будешь сама читать мои письма и писать на них ответы.

Твой папа сейчас находится на войне и воюет с немцами. Мы в них стреляем из пушек, а они стреляют в нас и могут очень больно ранить, но пока что не ранили и я жив и здоров.

Мы довольно долго воевали в одном большом городе, теперь немцев оттуда прогнали и сейчас отдыхаем и живем в лесу, почти таком же, как в Колывани и Колыванстрое. Только здесь горы меньше, чем Синюха.

Здесь очень много зайцев. Вчера мы ехали на машине и вдруг увидели зайчика. Мы сразу стали в него стрелять из ружей, но не попали, и он убежал от нас в лес.

А много зайчиков было убито, когда мы стреляли из пушек в немцев. Они пугались взрывов, выскакивали из своих норок и их, бедных, убивало осколками.

Если сможешь, то напиши мне письмо, я буду очень рад получить его от тебя.

Целую тебя, моя дорогая дочурка.

С 70-летием славной Победы!

Иван Слепцов

Дорогие мои однокурсники – «дети войны», поздравляю с 70-летием славной Победы в Великой Отечественной войне!

Мы, ещё будучи совсем маленькими, вместе с молоком матери впитали в себя все тяготы и ужасы войны и, можно сказать, прошли суровый естественный отбор. Вполне осознанно вместе со всеми радовались Победе.

Среди наших учителей как в школе, так и в Университете было

немало тех, кто с оружием в руках защищал Родину, ковал Победу и обеспечивал наше будущее.

В годы студенчества мне особенно запомнился преподаватель математики Дубровский. Видно было, что в его облике и манере война оставила нескрываемый след. Поговаривали, что вся его семья погибла в блокадном Ленинграде.

Лично я бесконечно благодарен одному из моих научных руководителей Сергею Ивановичу Никольскому – участнику-инвалиду ВОВ, члену-корреспонденту АН СССР, профессору, директору отделения астрофизики и ядерной физики ФИАН им. П.Н. Лебедева. Он был частым гостем у нас на кафедре космических лучей: читал лекции, увлеченно рассказывал о своей работе. Впоследствии Сергей Иванович стал куратором Якутской комплексной установки широких атмосферных ливней, с которой связана вся моя трудовая деятельность.

Наше поколение, в том числе мы с вами, сегодня, отмечая юбилейную дату Победы, можем гордиться тем, что оправдали надежды наших родителей, старших сестер и братьев, отдавших всё ради этой Победы, за нашу жизнь.

С праздником, с Днем Победы!

Всем здоровья, здоровья и еще раз здоровья!

Иван Слепцов.

г. Якутск, апрель

2015 г.

Великая Отечественная война в истории моей семьи

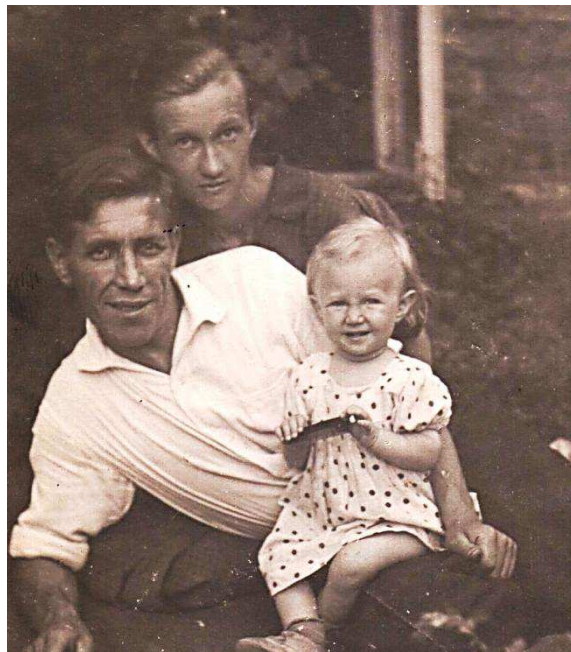
Е.В. Стеблина (Третьякова)

В настоящее время я являюсь председателем РОО «Дети Великой Отечественной войны» города Москвы, объединяющей в своих рядах около 900 неравнодушных человек с активной жизненной позицией, тех, кто был детьми в годы войны. Война свинцовым ураганом прошла по каждой семье, задев своим черным крылом и стар и млад. Самые яркие картины жизни, как правило, родом из детства. А в нашей стране целое поколение, рожденное в предвоенные и военные годы, отдало свое детство за победу. Наравне с взрослыми дети постарше тушили зажигалки, сражались в партизанских отрядах, стояли на ящиках от снарядов у станков, помогали раненым в госпиталях, работали на совхозных полях, отоваривали продовольственные карточки. Но и те, кто еще «под стол пешком ходил», помнят ужасы бомбежек, испытали на себе голод и холод военного лихолетья на оккупированной территории, в эвакуации, являясь самой незащищенной категорией людей, иммунитет которых еще не был сформирован для борьбы с тяготами войны, которые им пришлось пережить.

Мне исполнилось 2 года, и через два дня после этого грянула война – мое первое в жизни воспоминание. Я ощущала себя скованной по рукам и ногам, в неудобном положении, не могла двигаться, не могла даже пошевелиться. Это произошло потому, что власти города Кривой Рог после объявления войны дали распоряжение развести всех детей из яслей и детских садов по домам, запеленав их и связав руки и ноги, чтобы не убежали. Так я и лежала, пока родители не смогли добраться домой с завода «Криворожсталь», где они работали по распределению после окончания Новочеркасского Индустриального института.

Слово «бомбы» было одним из моих первых слов вместе со словом «мама». Во время «ковровых» бомбардировок Кривого Рога я, по воспоминаниям мамы, кричала: «Мама – омы (т.е. бомбы)!», тянула ее к земле и закрывала ее голову своими руками. Эти «Омы» затем остались со мной на всю мою профессиональную жизнь физика как единица измерения электрического сопротивления.

В 1941 г. наша семья вместе с заводом была эвакуирована в Магнитогорск. Меня положили в корыто, в котором я и проехала в теплушках для скота под бомбами через полстраны на Урал.

Родители работали на Metallургическом комбинате от зари до зари, а я помню себя запертой в комнате барака, с кружкой воды на столе.

В 1944–45 гг., в возрасте 5–6 лет, мне приходилось отоваривать продовольственные карточки, и я помню многочасовые очереди в магазины, в которых мы лежали на земле, не имея сил стоять.

В школе мы писали на газетах, в варежках. Было очень холодно, чернила замерзали в «непроливашках». Главным чувством было постоянное чувство голода. Ели листья, траву, жмых, глину, известняк. От авитаминоза спасал рыбий жир. А вкус самого большого лакомства – черного хлеба с маргарином и сахаром – остался в памяти на всю жизнь. Помог выжить огород. Он был далеко за городом, там мы сажали картошку.

От постоянного голода и холода мама заболела туберкулезом легких. Выжить ей помогли 3 грамма красного технического пенициллина, применявшегося при выплавке металла в качестве флюса, который ей выделили по распоряжению дирекции Metallургического комбината.

Я помню и последний день войны – День Победы, когда мама вдруг громко позвала меня к радио: «Запомни – говорит Сталин! Войны больше нет, мы победили!»

Помню, с каким удивлением в 1947 г. я впервые увидела немцев – за колючей проволокой колонии для военнопленных. Они протягивали руки через забор и просили есть, как обычные люди, а не военные монстры. Я положила свой обеденный бутерброд в протянутую руку – до того жалкое зрелище они представляли.

В это время я вспомнила своего родного дядю Диму (его фотография всю жизнь стояла на моей тумбочке), который добровольцем ушел на фронт в 1941 г. после окончания Новочеркасского Индустриального института с красным дипломом и пропал без вести. Я подумала, что и ему кто-то сможет помочь, если он жив. Но оказалось, что это он помог нам выжить и победить в этой страшной войне, отдав свою жизнь за свой народ и Родину.

Как нам удалось узнать совсем недавно (ровно через 71 год после его смерти) – 18 мая 2013 г. – из Книги Памяти на сайте Министерства обороны РФ: Величко Дмитрий Борисович, 1914 г.р., был призван Сталинским (Донецким) РВК. Воевал в звании младшего лейтенанта в 442-м стрелковом полку 106-й стрелковой дивизии командиром роты и погиб 17 мая 1942 г. в бою с 16-й немецкой танковой дивизией при переправе через Северный Донец у села Андреевка Александровского района Сталинской области, не дожив до 28 лет.

Величко Дмитрий Борисович

В нашей семье с 1943 г. сохранились письма его жены, которая ждала дядю Диму всю жизнь и так и не вышла вторично замуж.

Память о Дмитрие Величко бережно хранят последующие поколения в нашем роду, гордясь тем, что его родители – моя бабушка Александра Александровна – медсестра, потомок дворянского рода Пиотровских, и мой дедушка Борис Титович, из крестьян, с отличием закончивший Санкт-Петербургский технологический институт, – смогли воспитать такого сына.

К сожалению, сейчас участников войны остается все меньше, и последним поколением, испытавшим на себе все тяготы войны, являются дети Великой Отечественной войны, младшим из которых уже 69 лет. Дети войны фактически являются участниками войны, так как война была Отечественной, т.е. всенародной, и жизнь в тылу в воспоминаниях Начальника Генерального штаба ВС СССР (ноябрь 1948 – февраль 1950) и Советской армии (февраль 1950 – июнь 1952) генерала армии С.М. Штеменко приравнивается к фронтовой: «Война не имела тыла, потому что тыл тоже был фронтом».

Я считаю, что общество в долгу у детей войны и этот свой долг оно может отдать, официально признав статус детей войны, внося категорию детей Великой Отечественной войны 1928–1945 г.р. в закон «О ветеранах», признав вклад детей войны в Победу. Эту награду дети войны заслужили всей своей жизнью, отдав свое детство за Победу, а потом подняв страну из руин и выведя ее на уровень ведущей мировой державы.

Анатолий Филиппович Тулинов

(24.09.24 – 17.01.2011)

О.В. Чуманова

Анатолий Филиппович – доктор физ.-мат. наук, профессор, зав. кафедрой физики атомного ядра, одновременно начальник отдела физики атомного ядра НИИЯФ МГУ, зам. председателя Совета АН СССР по приложению методов ядерной физики в смежных областях (председатель Г.Н. Флеров).

И до самого последнего времени, несмотря на почтенный возраст, Анатолий Филиппович продолжал читать лекции студентам ядерного отделения физфака. При этом он, как в молодости, легко осваивал совершенно новые для себя области физики: физику твердого тела, космофизику и т.п.

Профессор Тулинов Анатолий Филиппович принадлежал к тому поколению российских ученых, которых принято по праву считать патриархами отечественной науки. С его именем связано возникновение целого ряда научных направлений не только в Московском государственном университете, но и в мире.

В 1964 г. у Анатолия Филипповича возникла идея метода, связанная с использованием монокристаллов при облучении заряженными частицами. В угловых распределениях продуктов реакций в направлении цепочек ядер должны возникать некоторые особенности – тени, по форме которых можно извлекать значение времени протекания реакции.

Работа по обнаружению эффекта теней была впоследствии (1964) зарегистрирована как открытие.

За работы в этом направлении он становится лауреатом Ломоносовской премии I степени (1966). Государственной премии (1972),

Среди учеников Анатолия Филипповича девять человек защитили докторские диссертации, свыше 40 – кандидатские. Сформировалась научная школа Анатолия Филипповича по физике взаимодействия частиц с кристаллами, получившая широкое признание среди специалистов ведущих стран.

С 1970 г. в МГУ проводится традиционная ежегодная Международная конференция по физике взаимодействия частиц с кристаллами, в которой принимают участие ученые из разных стран ближнего и дальнего зарубежья, и уже давно среди специалистов называется «тулиновской».

По инициативе Анатолия Филипповича традиционно, раз в два года в течение более 20 лет, проводился Российско-Японский симпозиум по

взаимодействию частиц с твердым телом, сопредседателем оргкомитета которого с российской стороны неизменно являлся Анатолий Филиппович.

Много лет А.Ф. Тулинов был членом оргкомитета Международной конференции ICACS, в 1977 г. она проходила в Москве.

Анатолий Филиппович Тулинов родился 24 сентября 1924 г. в Алтайском крае. Он относился к тому поколению, которое было опалено Великой Отечественной войной в самой жестокой степени. Призывники 1923 и 1924 гг. попали в полосу самых ожесточенных боев. Известно, что мужчин 1924 г.р. после войны в живых осталось не более 6 %. Эти драматические годы оставили страшные воспоминания и глубокие шрамы в душах молодых людей, гордость и счастье, что выжили, что победили.

Первый раз Анатолий Филиппович столкнулся с войной практически сразу после ее начала, будучи еще школьником. Лето 1941 г. Анатолий переходит в выпускной класс серпуховской школы. Ему еще не исполнилось 17 лет, поэтому он не подлежит призыву в действующую армию, но на трудовой фронт – рытье окопов и противотанковых укреплений – он, как и тысячи других комсомольцев, мобилизован.

Так в первых числах июля Анатолий оказался на границе Брянской и Смоленской областей. В этих условиях очень быстро проявились организаторские способности молодого человека, и он становится командиром сводного отряда старшекласников. Работали по 12–14 часов почти без выходных. Все это продолжалось до начала октября, когда началось известное наступление немцев на Москву.

Когда пришло известие о приближении немецких отрядов, колонна молодых людей в несколько сот человек под руководством семнадцатилетнего командира отправилась в путь на восток. Вокруг рвались снаряды, и зачастую трудно было понять, где тыл, а где фронт. Как рассказывал Анатолий Филиппович, иногда шли просто по солнцу – на восток. В отряде было несколько подвод с лошадьми, куда время от времени в буквальном смысле грузили совсем обессиленных ребят. Шли ровно сутки. За это время прошли около 80 километров, но из опасной зоны удалось уйти.

Отец А.Ф. – Филипп Васильевич был директором школы-интерната, и ему было поручено отвечать за подготовку и эвакуацию трех детских домов и интернатов из района Серпухова. И вся семья с ними отправилась в эвакуацию на Урал. Весь выпускной класс Толя занимался дома по учебникам и книгам, и весной 1942 г. экстерном сдал экзамены за курс средней школы. В полученном аттестате не было ни одной «четверки».

Шла война, юноше уже 18 лет, и он, как и все его сверстники, получил повестку в военкомат. В ней направление в Свердловское минометное училище. Срок обучения в нем – три месяца. Дальше путь молодого офицера лежит на 3-й Белорусский фронт. Прибыв на фронт в середине 1943 г., лейтенант Тулинов становится командиром минометного взвода, однако позже его служба была связана с фронтовой разведкой.

После гибели переводчика разведке срочно понадобился офицер, знающий немецкий язык. И тут Анатолию как раз пригодилось увлечение в школе немецким языком.

Сначала переводчик, а потом командир разведгруппы – вот этапы военного пути молодого офицера. Он ходил за линию фронта, участвовал в операциях по освобождению Литвы и Кенигсберга. Он терял

боевых товарищей, сам оказывался на волоске от гибели, однажды даже пришлось участвовать в рукопашной схватке. За этот рукопашный бой за проявленное мужество и героизм лейтенант Тулинов был награжден медалью «За отвагу», но получил ее он только через 60 лет в 2005 г., так как в начале 1945 г. в бою под Кенигсбергом он был серьезно ранен в предплечье и оказался в госпитале.

Вспоминая о ранении, о неделях и месяцах, проведенных в госпитале, Анатолий Филиппович всегда с большой благодарностью вспоминал пожилого бойца, который нашел истекающего кровью молодого лейтенанта, завернул его в неизвестно откуда взявшийся тулуп (на дворе стояла зима) и лично привез в госпиталь.

В госпитале после первой неудачной операции началось заражение крови. И опять повезло. Сосед по больничной койке, обнаружив ночью, что молодой парнишка умирает от гангрены, поднял тревогу. Срочно была сделана повторная операция. Хирург, делавший операцию и пришедший проведать своего пациента, принес скромный фронтовой подарок – мягкий резиновый мячик. «Слышь, парень, – сказал он, – первую часть проблемы ты решил – выкарабкался. Но рука у тебя не работает. Теперь все зависит от тебя. Хватит терпения – разработаешь руку, не хватит – так и останешься инвалидом на всю жизнь». Терпения Анатолию было не занимать. Впоследствии только огромные шрамы на предплечье выдавали перенесенное тяжелое ранение.

Война подходила к концу, и после выписки из госпиталя Анатолий продолжил военную службу в Западной Белоруссии. Итогом участия в военных действиях явился орден Красной Звезды и две медали: одна «За взятие Кенигсберга», вторая «За победу над фашистской Германией». К ним, как было уже сказано выше, в 2005 г. добавилась третья медаль «За отвагу», к которой Тулинов был представлен еще в 1944 г. Демобилизовался он только через год – в начале 1946 г.

Студент 1-го курса, 1946

1947 год. Первокурсники физического факультета. 19 группа
А.Ф. Тулинов – в верхнем ряду второй справа. В нижнем ряду первый справа Н.Б. Брандт

После демобилизации из армии в 1946 г. Анатолий Филиппович поступил на физический факультет без сдачи экзаменов, имея аттестат с отличием. Тогда на факультете был очень высокий конкурс. Физика была необычайно престижна – тому способствовало, конечно, то, что в стране активно велись работы по атомной программе.

Университет в 1946 г.: примерно половина студентов ходили на первых порах в зеленых гимнастёрках. Фронтовики были, как правило, в застиранных

военных гимнастёрках со споротыми погонями. Очень часто однокурсники, а особенно однокурсницы Анатолия Филипповича вспоминали эффектное появление в аудитории невероятного красавца – поручика войска польского, одетого в соответствующую форму с аксельбантами – Коли Брандта, затем очень известного профессора физического факультета Николая Борисовича Брандта. Друзья из первой группы остались друзьями на всю жизнь

Два друга Н.Б. Брандт и А.Ф. Тулинов

Среди актива всех общественных организаций, в том числе комсомольских (более 900 человек), участники войны в течение ряда лет занимали ведущие позиции. Следует сказать, что комсомольская организация тогда была довольно зубастой. Она часто очень остро ставила перед администрацией вопросы о разного рода недостатках, связанных с учебной работой, организацией быта студентов.

В 1947 г. было принято решение о строительстве нового здания МГУ на Ленинских Горах, и комсомольская организация МГУ и физического факультета, в частности, принимала в этом строительстве непосредственное участие.

В основном работали на котловане Главного здания. Позже А.Ф. со смехом вспоминал, что на месте будущего физического факультета стоял вбитый в землю кол с соответствующей табличкой, к которому была привязана коза (рядом еще жили местные деревенские жители).

А.Ф. окончил факультет с отличием в 1951 г., после чего в 1952–55 гг. был в аспирантуре ядерного отделения на кафедре ускорителей.

Еще в студенческие годы он был секретарем комсомольской организации физического факультета. Позже был секретарем парткома факультета, членом парткома МГУ.

Следует отметить, что за время его секретарства в парткоме физфака не отмечены громкие скандалы и происшествия. Не было случаев отчисления за нарушения дисциплины, не получены серьезные выговоры. Хотя, наверняка, бывали и выпивки у студентов в общежитии, и пропуски занятий. А.Ф. «не делал из мухи слона», и это можно отнести к урокам войны, страшнее которой трудно найти сравнение.

А.Ф. Тулинов среди участников парада Победы в 2000 г. (справа)

Анатолий Филиппович принадлежал к тому поколению, которое было не просто опалено, а обожжено войной. Поэтому и отношение к 9 Мая у него было особенное. С большим волнением он принял в 2000 г. приглашение участвовать в параде Победы. Очень аккуратно ездил на все репетиции и торжественно прошел в парадном строю ветеранов по Красной площади.

Он всегда принимал предложения выступить перед школьниками и тщательно готовился к этим встречам. Он очень четко позиционировал свою точку зрения, что Великая Отечественная война и отношение к ней – это, пожалуй, то единственное, что в настоящее время объединяет наше общество, несмотря на многочисленные попытки все пересмотреть, и потеря этого стержня приведет к полной деморализации и разобщенности. Поэтому он считал, что на нем, как на непосредственном участнике и очевидце этих событий, лежит ответственность за сохранение этого «стержня». Именно эту мысль он всегда пытался донести и до школьников, и до студентов, и до коллег.

Как и везде в России, на окраине села есть братская могила, где 9 Мая проходят торжественные мероприятия. Каждый год около памятника проходит митинг памяти, и Анатолия Филипповича часто приглашали выступить на нем. Он всегда был неизменным участником митинга у вечного огня в МГУ.

Боевые и трудовые заслуги Анатолия Филипповича получили высокую оценку. Он кавалер многих правительственных наград – награжден орденами Красной Звезды (1945), Трудового Красного Знамени (1967), Октябрьской Революции (1980), Отечественной войны I степени (1985), медалями «За отвагу» (1944), «За взятие Кенигсберга» (1945), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), «За освобождение Белоруссии» (2004). Лауреат Ломоносовской премии I степени (1966). Лауреат Государственной премии (1972). В 1996 г. ему присвоено звание Заслуженный профессор Московского университета (1996).

Присвоение звания «Заслуженный профессор МГУ».
1996 год. Справа – ректор МГУ академик В.А.Садовничий

Памяти моих родителей

Н.А. Туманова

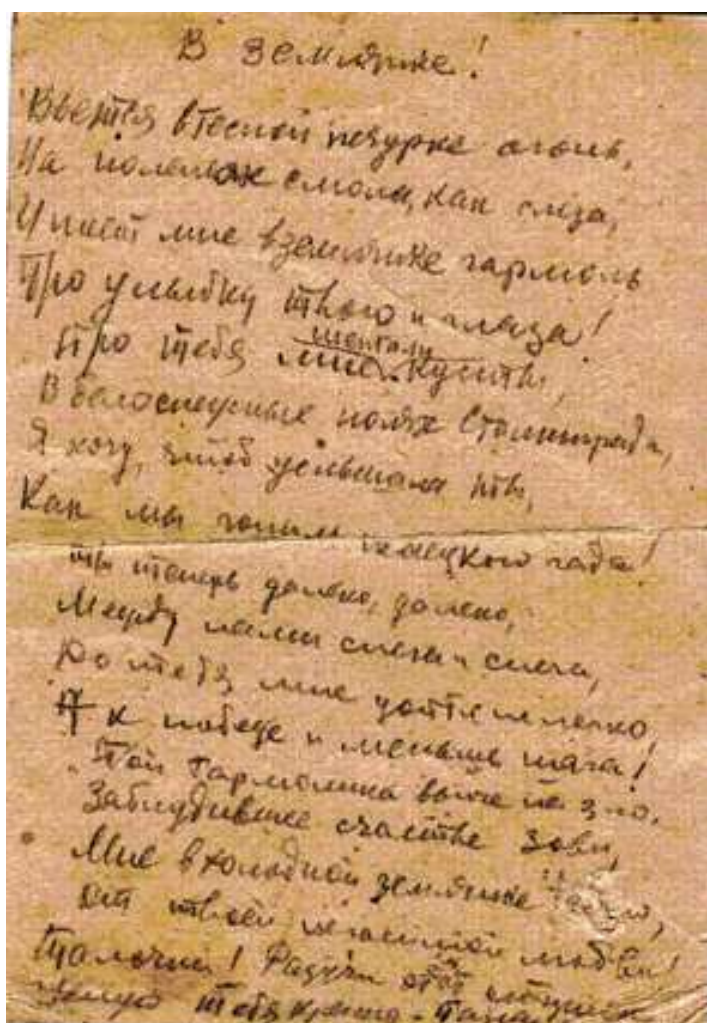
Во время войны наши мамы получали вот такие письма с фронта.

А 11 апреля 1943 г. в Казахстан, в посёлок Кускудук Джамбульской области пришла почтовая открытка с печатью военной цензуры на моё имя (Осадчей Наталье Александровне) от папы.

Открытку папа отправил со Сталинградского фронта 7 января 1943 г, когда оставалось чуть меньше месяца до 2 февраля – дня Сталинградской победы. Папа написал мне «сталинградский» вариант песни о землянке.

В землянке

Вьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза!

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях

Сталинграда,

Я хочу, чтоб услышала ты,
Как мы гоним немецкого гада!

Ты теперь далеко, далеко,
Между нами снега и снега,
До тебя мне дойти нелегко
А к победе и меньше шага!

Пой, гармоника, вьюге назло,
Заблудившее счастье зови,
Мне в холодной землянке тепло
От твоей негасимой любви!

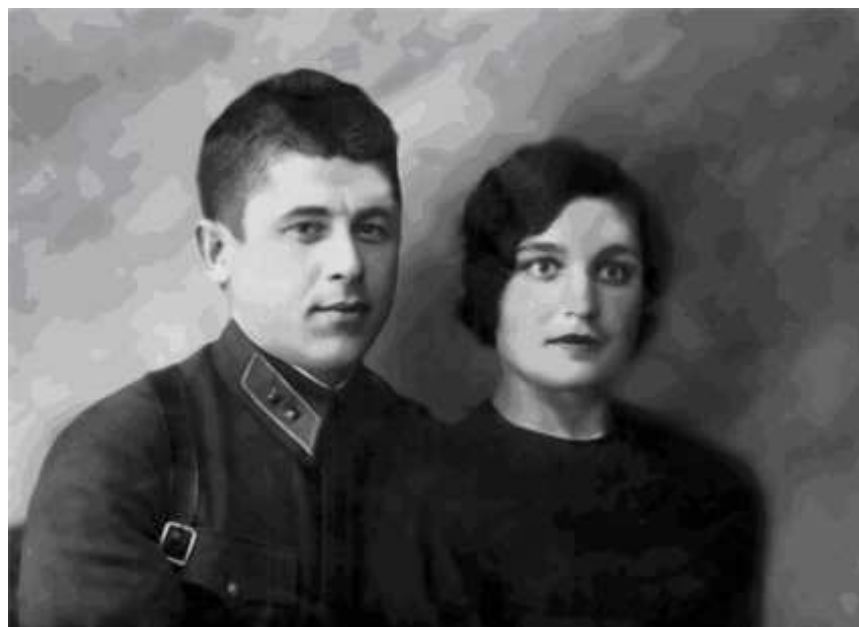
Талочка! Разучи этот стишок.
Целую тебя крепко – Папа!

На Сталинградском фронте папа оказался после госпиталя в ноябре 1942 г. Папа служил офицером связи во 2-й Армии под командованием генерал-лейтенанта Малиновского Родиона Яковлевича. Вряд ли вы знаете, какая это была должность. Цитирую из удостоверения папы: «Офицеру связи Осадчому Александру Кондратьевичу предоставляется право контролировать выполнение приказов Военного Совета Армии во всех видах боевой деятельности частями и соединениями, право внеочередной подачи телеграмм и донесений по всем действующим средствам связи, право подачи шифр-телеграмм с разрешения начальника штаба соединения».

Уже в феврале 1943 г. 2-я Армия стала гвардейской, и папа получил нагрудный знак «Гвардия» 13 мая 1943 г., т.е. стал гвардии капитаном. Малиновский Родион Яковлевич, будущий министр обороны Советского Союза (1957–1967), родился в Одессе. С октября 1943 г. Малиновский командовал 3-м Украинским фронтом. В период с августа 1943 по апрель 1944 г. провел Донбасскую, Запорожскую, Никопольско-Криворожскую и другие наступательные операции. Ему довелось освободить не только свою родную Одессу, но и мой родной город Запорожье, а также в Никопольском районе село Шолохово, в котором родился мой папа.

В моем семейном архиве много всего: довоенные фотографии, письма папы с фронта, черновики анкет, написанные отцом в разные годы войны, в том числе черновик анкеты, который отец заполнял в 1943 г., будучи слушателем Краснознаменной ордена Ленина Военной академии им. М.В. Фрунзе.

Эта фотография мамы и папы сделана в июле 1939 г. в Запорожье. А в сентябре родилась я.

А вот фотография папы перед войной.

Бабушка и мама всё сохранили. Любовь к этим удивительным женщинам осталась со мной на всю жизнь.

Моя бабушка Катя, свекровь мамы, долгие годы занималась мною, мама работала. Бабушка жила с нами в Запорожье. Из Севастополя 18 августа 1941 г. мы вместе эвакуировались в Казахстан. А затем вернулись из эвакуации в Москву, вместе приехали в Красную Пахру. В память о бабушке названа моя внучка Катя.

Отца я знаю только по фотографиям, мне было всего два года, когда мы с ним расстались. Письма папы с фронта я опубликовала в моей семейной книге «У каждого свой маршрут». Эту книгу я подарила своим дочерям и внучке.

В память о папе назван мой правнук Александр Иванов. Он уже побывал в Севастополе, увидел военные танки на Сапун-горе. Там в 1941 г. была батарея папы. О своих фотографиях на Сапун-горе Саша сказал: «Это я на горе твоего папы».

Первоклассник Саша много читает о военной авиации. Например, он может объяснить, почему наши летчики после Курской битвы стали называть Юнкерсы «тихоходными лаптежниками».

Мои дочери и внучка бывали в Севастополе в разные годы.

Начиная с 2003 г., я бываю в Севастополе и Балаклаве каждый год. Вот фото на Графской пристани Севастополя, сделанное в 2012 г. в День Военно-Морского Флота Российской Федерации.

Сегодня мы вспоминаем наших родителей, на чью долю выпала эта страшная война.

А мы – дети Победы, потому что победили наши родители!

Наталья Александровна Тяпунина

(11.08.1922–18.02.2009)

Г.М. Зиненкова

Наталья Александровна Тяпунина,
доктор физ.-мат. наук, профессор

Н.А. Тяпунина родилась 11 августа 1922 г. в Москве. В 1940 г. после окончания одной из московских школ поступила на физический факультет МГУ. Аттестат об окончании школы был с «золотой каемочкой» (медалей тогда еще не было). На собеседовании при поступлении в университет на вопрос о спутнике Земли Н.А.Т. ответила, что она «ее в лицо знает» (речь, естественно, шла о Луне). До начала Великой Отечественной войны Н.А.Т. успела окончить только первый курс. В сентябре 1941 она закончила вечерние курсы медсестер при военной кафедре МГУ. Условием принятия на курсы было закончить первую сессию без троек. С началом войны шефство над курсами взял I Медицинский институт. Вводную лекцию по хирургии прочитал академик Бурденко.

Получив аттестат медсестры, Н.А.Т. встала на военный учет и в октябре 1941 г. была мобилизована в ряды Красной армии.

Призванную в армию молодежь маршевыми ротами отправляли в учебные батальоны. Одну из таких маршевых рот из Москвы в город Муром в учебный батальон связи Наталья Александровна сопровождала в качестве санинструктора (медсестра в санчасти 45-го Западного Запасного отдельного батальона связи). Этот путь по знаменитому Владимирскому тракту (Шоссе Энтузиастов) она прошагала в солдатских сапогах 41-го размера, что на пять номеров больше ее собственного.

В санчасти при учебном батальоне связи проработала до конца 1941 г. Затем в Эвакогоспитале, который располагался в г. Балашихе Моск. обл.

В память о зимах 1941–43 гг. в семье сохранились две фотографии Натальи Александровны.

Фотография в буденовке была отправлена родителям в декабре 1941 г.: «Дорогому папе в память о зиме 41 года. 21.12.41.» и подпись: «Нат». Январем 1943 г. датирована фотография с надписью на другой стороне: «Еще раз военная дочь, маме 22.1.43. Коломна. Наташа».

С января 1943 г. Наталья Александровна служила хирургической медсестрой в 542-й Отдельной медсанроте при 11-й артиллерийской дивизии РВГК (Резерв Верховного Главного Командования). Дивизия формировалась в г. Коломне в ноябре 1942 г. и в декабре 1942 прибыла под Сталинград. Медсанрота соединилась с дивизией только весной 1943 г. под Харьковом (г. Купянск).

Отсюда в мае 1943 г. и начинается путь Натальи Александровны Тяпуниной по военным дорогам вместе с войсками 2-го Украинского фронта. В июле 1943 г. она получает первую награду: медаль «За боевые заслуги».

*Н.А. Тяпунина – старшина медицинской службы.
Октябрь 1941–1945 гг.*

Боевой путь дивизии проходил через Украину, Трансильванию (Молдавию), Румынию, Венгрию, Австрию и Чехословакию. В день Победы 9 мая дивизия находилась под Прагой, где еще продолжались бои. Однако Наталья Александровна была уверена, что ее день рождения будет отмечаться после Победы; так и случилось.

В мае 1945 г. Н.А. Тяпунина была награждена орденом Красной Звезды. А в 1985 г. в 40-ю годовщину Победы, ей был вручен орден Отечественной войны II степени.

В приказах Верховного Главнокомандующего объявлялась благодарность всему личному составу воинских подразделений за овладение важными опорными пунктами обороны противника (городами, железнодорожными узлами, переправами и др.). У Н.А.Т. сохранилось шесть листов с благодарностью.

*На листах под портретом вождя были
выписаны его слова:*

Артиллерия – это бог войны!

Интересно, что если было в процессе операции форсирование рек, то художник и рисует реку, как при взятии столицы Трансильвании города Клуж, наши войска форсировали реку Тиссу.

Приказ с объявлением благодарности за овладение столицей Трансильвании г. Клуж и за овладение г. Сегед – крупным хозяйственно-политическим и административным центром Венгрии опубликован в газете «Известия» 12 октября 1944 г.

По приказам, печатаемым в газетах, отец Натальи Александровны составлял схему продвижения дивизии.

В Венгрии (г. Мишкольц) в декабре 1944 г. были сделаны фотографии 542-й медико-санитарной роты при 11-й артиллерийской дивизии РВГК и операционной группы.

Операционная группа: Наталья Александровна стоит первая слева. В центре – ведущий хирург 542-й медсанроты майор медицинской службы Николай Сергеевич Шмелев. (Семья Н.А. поддерживала с ним отношения и после войны.)

В составе медсанроты в 1942 г., когда она была сформирована, находились 7 врачей, 9 сестер, 2 фармацевта и 35 санитаров. За период работы боевых потерь из личного состава не было. Раненые в медсанроту поступали с поля боя. Возвращены в часть 5408 человек и 2864 были отправлены на долечивание.

В 1945 г. Наталья Александровна вернулась на факультет и в 1949 г. закончила его, закончила аспирантуру и осталась на факультете.

Возвращались участники войны для продолжения обучения при непосредственном участии тогдашнего декана А.С. Предводителя, отправлявшего начальникам штабов, командирам письма с просьбой отпустить бывших студентов для продолжения обучения.

На памятной доске у нашего факультета есть фамилия Федора Александровича Тяпунина. Это старший брат Натальи Александровны. К началу войны он уже окончил физический факультет, получил в университете военную специальность «летнаба» (авиационного штурмана). Погиб в январе 1943 г. при выполнении боевого задания.

Его письма с фронта сестренке Наташе проникнуты любовью, заботой и наказом беречь родителей. Письма Наталья Александровна распечатала, переплела. Экземпляр передала в музей физического факультета.

Федор Александрович Тяпунин (1915–1943)

Г.М. Зиненкова

Сестренке
Маташке
из лагерей
Ф.Тяпунин

Федор Александрович Тяпунин, старший брат Н.А. Тяпуниной, родился в 1915 г. в Москве. В 1923 г. поступил в семилетку и закончил ее в 1930. С 15 лет он начал трудовую деятельность, сначала учеником слесаря, затем рабочим токарем в автомастерских. С 1933 по 1935 г. учился на рабфаке им. Покровского.

С 1935 по 1941 г. учился на физическом факультете Московского ордена Ленина государственного университета им. М.В. Ломоносова. Закончил МГУ в 1941 г. и получил специальность инженера-физика.

В комсомоле с 1934 г. Работал комсоргом группы, секретарем бюро ВЛКСМ и инструктором райкома ВЛКСМ.

Военное образование В.В.П. (Высшую вневойсковую подготовку) получил при университете: получил специальность летнаба (летчик-наблюдатель, или авиационный штурман).

В армию призван по мобилизации 28 ноября 1941 г.

Федор Александрович Тяпунин в ночь с 11 на 12 января 1943 года в 12.00 погиб на боевом посту.

Его боевые дела:

Боевых вылетов	170 = 245 ч 47 мин
Спец. заданий	30 = 10 ч
Сброшено бомб	30 040 кг
- « - К.С.	194 кг
Из. Патронов	4 326 шт.
Сб. листовок	322 000 шт.

До свидания
сестренке
Ф.Тяпунин
26/1/42

Мой отец гвардии полковник Семен Сергеевич Уральский

В. Уральская

Краткая биография

Родился в с. Яблонево Кораблинского района Рязанской области 1 мая 1907 г.

В 1930 г. был призван в ряды Красной Армии, окончил военно-политическое училище в Полтаве. Около пяти лет пограничной службы на Дальнем Востоке, на границе с Японией.

В 1941 г. инструктор, военком в войсках Южного фронта.

В октябре 1941 г. назначен на должность военного комиссара 11-й саперной бригады (впоследствии «Двинская»).

1942–1943 гг. – зам. командира бригады (Закавказский, Северо-Кавказский и Южный фронт). Участвовал в боях за Кавказ (медаль «За оборону Кавказа»).

1944–1945 гг. – комиссар инженерной бригады Резерва Главного Командования (1-й Прибалтийский, 2-й Белорусский фронты), которая обеспечивала наступление на Восточную Пруссию (медаль «За взятие Кенигсберга»), Польшу (Орден Красной Звезды). Германию (медаль «За взятие Берлина»).

Закончил войну в Берлине. После войны – служба в рядах Вооруженных Сил СССР до 1958 г. Умер в 1994 г.

**Вместе с генерал-майором Железных В.И. формировал
11-ю саперную бригаду («Двинская»)**

1945 год. Польша, мост через Вислу

Длина моста 1700 м. Март (ледокол), бомбежки, артобстрелы

«Польское правительство планировало построить здесь мост за 20 лет. Пришли немцы, запланировали построить его за 2 года, Пришли русские – построили за 2 месяца».
Из воспоминаний

Маршал К.К. Рокоссовский награждает строителей моста

В строительстве моста участвовали части:

полковника Андреева,
гвардии полковника Уральского,
инженер-подполковника Тольского,
инженер-подполковника Пантелеева,
подполковника Бердникова,
инженер-подполковника Юдина

8.02.45–29.03.45

**В разрушенном Берлине.
1945 год**

На Дворцовой площади.

На Дворцовой площади

Собор на Дворцовой площади

Ворота дворца Вильгельма II

Над рейхстагом развевается красное знамя – знамя Победы

Лев на здании Рейхстага. Вид его теперь не очень грозный

Разметанные камни баррикад, стреляные гильзы, лохмотья серо-зеленых шинелей, разбитые пушки – вот типичный пейзаж Берлина этих дней.

В бессонные ночи, сидя в глубине сырых подвалов, немцы с ужасом прислушивались к грохоту падающих зданий.

БЕРЛИН УЗНАЛ,
ЧТО ТАКОЕ ВОЙНА

Музей на Дворцовой площади и конная фигура у здания музея

Рейхстаг

Его серая масса,
закопченная дымом и
пробитая снарядами,
угрюмо стоит среди
догорающих пожарищ

Награды

Орден Ленина,
2 ордена Красной Звезды,
2 ордена Боевого Красного Знамени,
орден Отечественной войны 1-ой
степени.

Медали:

За боевые заслуги,
За оборону Кавказа,
За взятие Кенигсберга,
За взятие Берлина,
За победу над Германией.

Гвардии полковник
Семен Сергеевич Уральский

Л.Ф. ХАЙБУЛЛИН

Лиля Хайбуллина

Мой отец, Хайбуллин Лутфий Генниатович, был членом Верховного суда СССР.

Когда началась Великая Отечественная война, Верховный суд из Москвы эвакуировали в г. Камышин под Сталинградом. Когда в тех краях начались военные действия, отец пошёл в военкомат, чтобы пойти на фронт. Но в военкомате ему сказали, что членов Верховного суда на фронт не берут. Отец ушёл из военкомата, но паспорт оставил. Мама говорила отцу, чтобы он пошёл и забрал паспорт, но отец не слушал маму. Когда обстановка на Сталинградском направлении обострилась, отца взяли на фронт. Несколько раз он был ранен, лечился в госпитале.

Далее отец был направлен в Харьковское пехотное училище, по окончании которого, в должности командира взвода, направлен в распоряжение Забайкальского Военного округа. Участвовал в Советско-Японской войне 1945 г. на Дальнем Востоке по разгрому милитаристской Японии. Война длилась 9 месяцев. Отец был ранен. После лечения осколки частично остались в мышцах спины.

27 марта 1946 г. отец был уволен в запас и вернулся домой. После окончания войны к нам домой пришли из военкомата с наградными документами.

Отец получил награды: медаль «За победу над Германией» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 г.) и орден Красной Звезды (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 января 1958 г. за участие в боях 196-й стрелковой дивизии и ранения).

Моему отцу посвящена страничка в Книге Памяти фронтовиков.

Я спрашивала отца, как ему удалось выжить в этой мясорубке. Отец сказал, что никогда не пил «боевые сто грамм», чтобы не рисковать. Ведь дома ждали жена и трое детей.

Еще я помню, что отец не мог смотреть фильмы про немцев и с участием немцев. Просил переключать телепрограмму.

В мирной жизни отец прожил до 1979 г. и навсегда остался в моей памяти как один из тех, кто ковал нашу Победу!

Ведь это они – победители – подарили нам возможность жить, учиться, работать. Великое им спасибо!